

КАРМЕН ЛУНА

Беременная,
но (не) от тебя
ДРАКОН!

Кармен Луна Беременна, но (не) от тебя, дракон!

<https://litres.ru/74428674>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оля думала, что хуже понедельника может быть только вторник. Но проснуться в чужом теле на четвертом месяце беременности - это новый уровень жизненных испытаний!

Особенно когда:

Хозяин дома - невыносимо красивый дракон Алессандро, который презирает тебя

Он женат на ведьме Альбине, которая выгоняет тебя беременную из дома.

Ты не знаешь, кто отец: дракон, дворецкий Роб или его брат Стюарт?

В тебе просыпается странная магия - ты слышишь голоса животных

"Мне нравится печь булочки, а не разгребать драконьи проблемы!"

- думает Мэри, замешивая тесто и планируя выживание

Но что скрывает загадочный амулет на шее?

Почему дракон то холоден, то почти нежен?

И что за тайны хранит говорящая груша в саду?
Попаданка в теле беременной гувернантки
Женатый дракон с темными секретами
Ведьма-соперница с опасными планами
Любовный многоугольник с неожиданными поворотами
Говорящие животные и мудрые деревья
Кулинарная магия и уютный быт
ХЭ обязателен

Содержание

Глава 1	7
Глава 2	23
Глава 3	39
Глава 4	50
Глава 5	60
Глава 6	72
Глава 7	87
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Кармен Луна Беременна, но (не) от тебя, дракон!

Беременна, но (не) от тебя дракон!

Кармен Луна

Аннотация:

Оля думала, что хуже понедельника может быть только вторник. Но проснуться в чужом теле на четвертом месяце беременности - это новый уровень жизненных испытаний!

Особенно когда:

Хозяин замка — невыносимо красивый дракон Алессандро, который презирает тебя.

Его жена Альбина выгоняет тебя беременную из дома.

Ты не помнишь прошлого Мэри и не знаешь, кто отец её ребёнка.

Твоими союзниками становятся дворецкий Роб, брат дракона Стюарт, говорящий ёж и старая груша.

"Мне нравится печь булочки, а не разгребать драконьи проблемы!"

— думаю я, Оля, которую в этом мире зовут Мэри, заме-

шивая тесто и планируя выживание.

Почему аромат моей выпечки возвращает дракону обрывки памяти?

Какую тайну скрывает тёмный амулет его жены?

И сумею ли я защитить ребёнка, пока прошлое Мэри остаётся для меня загадкой?

Попаданка в теле беременной дворянки

Женатый дракон с темными секретами

Ведьма-соперница с опасными планами

Союзники, семейные тайны и любовь сквозь проклятие

Говорящие животные и мудрые деревья

Кулинарная магия и уютный быт

ХЭ обязателен

Глава 1

Знаете, что хуже, чем проснуться с похмелья в понедельник утром, когда тебя ждёт двенадцатичасовая смена в пекарне? Проснуться в чужом теле под звуки скандала и понять, что тебя выгоняют из дома. С вещами. На улицу. И, судя по всему, навсегда. Без объяснений, без права на защиту, без шанса что-то исправить.

— Вон! — пронзительный женский визг ворвался в мой сон, как дрель в голову субботним утром, когда ты наконец-то можешь выспаться после адской рабочей недели. — Чтобы через час духу её здесь не было! Этой распутницы! Этой позорницы! Чтобы и думать забыла сюда возвращаться!

Голос был незнакомый, но в нём звучала такая ярость, такая ненависть, что у меня мгновенно проснулись все инстинкты самосохранения. Я с трудом разлепила глаза, готовая высказать всё, что думаю о таких ранних побудках и сомнительных эпитетах в мой адрес. В конце концов, за двадцать восемь лет жизни я научилась давать отпор хамам всех мастей.

Но слова застряли в горле, как кусок пересушенного хлеба.

Я моргнула. Ещё раз. Картинка не менялась, сколько бы я ни хлопала ресницами.

Высокий потолок с тёмными деревянными балками, покрытыми замысловатой резьбой. Грубые каменные стены, от которых веяло холодом даже в том, что явно было тёплым утром. Небольшое застеклённое окно и деревянные ставни, через щели в которых проникали золотистые лучи солнца. Кровать, на которой я лежала, была жёсткой, с соломенным матрасом, а бельё, хоть и чистое, пахло не моим любимым кондиционером "Альпийская свежесть", а странной смесью трав и щёлока, которую я не могла идентифицировать.

Воздух был другим. Не городским, пропитанным выхлопными газами и смогом, а свежим, но каким-то... древним. Пахло лесом, сеном, дымом от очагов и чем-то ещё неуловимо средневековым.

"Так, Оля, спокойно", — приказала я сама себе, пытаюсь унять начинающуюся панику. "Ты, наверное, перебрала вчера на корпоративе, напилась шампанского больше обычного и попала в какой-то тематический отель. Или в историческую реконструкцию. Очень качественную. Слишком качественную."

Но даже собственное объяснение звучало неубедительно. Корпоратив был в четверг, а я помнила, как шла домой по тёмной улице... Стоп. Что я помню?

Я села на кровати, и мир угрожающе качнулся. Голова не болела — что было странно, учитывая мои подозрения о вчерашнем злоупотреблении алкоголем — но была какой-то неправильно лёгкой. Как будто мозг внутри был не мой.

И тут я увидела свои руки.

И чуть не закричала.

Это были не мои руки. Совершенно, абсолютно не мои. Мои руки — руки кондитера с десятилетним стажем — были сплошь покрыты мелкими шрамами от ожогов печью и раскалённым металлом, с короткими, практичными ногтями и мозолями на ладонях. Руки, которые знали, что такое тяжёлая работа с пяти утра до пяти вечера.

А эти... эти были тонкими, изящными, аристократичными, с длинными бледными пальцами и безукоризненно ухоженными ногтями. Нежная, почти прозрачная кожа с голубоватыми венками, казалось, никогда не знала ни мозолей, ни ожогов. Руки леди, а не работяги.

Паника начала медленно, но неотвратимо подниматься по пищеводу, грозя вырваться наружу ледяным воплем ужаса. Дрожащими пальцами — чужими, совершенно чужими пальцами — я ощупала своё лицо. Незнакомые черты. Другая форма носа — более аристократичная. Другие скулы — более высокие. Другие губы — более полные. Потрогала волосы — они были длинными, шелковистыми, струящимися до талии, а не мой рыжий "творческий беспорядок" до плеч, который я никак не могла заставить выглядеть презентабельно.

Но самый большой шок ждал меня впереди.

Мой взгляд медленно, с нарастающим ужасом опустился вниз.

И мир взорвался, как переполненная газом духовка.

Под тонкой льняной ночной рубашкой округлялся живот. Не «я плотно поужинала пастой с мороженым» и не «набрала пару лишних килограммов». Я положила ладонь ниже пупка, чувствуя незнакомую плотную округлость, и похолодела. Живот беременной женщины. Мой живот. Такого со мной не могло быть — я слишком долго убеждала себя в этом, чтобы сейчас поверить собственным глазам.

В мозгу, как вспышка ослепляющей молнии, пронеслось недавнее воспоминание. Белый лист бумаги в медицинской папке. Стерильный кабинет врача с запахом дезинфекции. И его сочувствующий, полный профессионального сожаления голос: "К сожалению, Ольга Петровна, диагноз окончательный — необъяснимое бесплодие. Современная медицина пока бессильна. Вероятность естественного зачатия составляет менее одного процента."

А потом — тёмная октябрьская улица, мокрая от дождя. Мой маленький Лаврик, выскочивший на дорогу за упавшим яблоком. Визг тормозов. Ослепляющий свет фар белой "Приоры". И моё инстинктивное движение — броситься спасти единственное живое существо, которое меня любило. Сокрушительный удар. Боль. Темнота.

Я погибла под колёсами машины. Последним, что я помнила, был удар. Остановился ли водитель, позвал ли кто-нибудь на помощь — этого я уже не знала.

Так что же это, чёрт возьми, такое?! Реинкарнация? Па-

раллельная вселенная? Галлюцинация умирающего мозга? Розыгрыш каких-то извращённых богов?

— Хозяйка ждать не привыкла! — проскрипел за тяжёлой дубовой дверью противный старческий голос, напоминающий скрежет ржавых петель. — Живо собирай своё барахло и проваливай отсюда, потаскуха! Чтобы духа твоего поганого здесь больше не было!

Хозяйка? Барахло? Потаскуха? Кажется, я попала не просто в другой мир, а в средневековый сериал с очень плохим сценарием и ещё худшими диалогами. Только это было слишком реально для сна и слишком детализировано для галлюцинации.

— Мэри! — это снова тот визгливый женский голос, который меня разбудил. — Выходи немедленно! Или мы войдём сами и вытащим тебя за волосы!

Мэри? Кто такая Мэри? Я — Оля! Ольга Петровна Смирнова, кондитер второго разряда, жительница города Тулы, владелица ежа по кличке Лаврик и квартиры в панельном доме!

— Оля, — раздался до боли знакомый, рассудительный голос с подоконника, и моё сердце подпрыгнуло к горлу.

Я резко повернула голову, едва не свернув себе шею. Там, на широком каменном подоконнике, скрестив на груди крошечные лапки в позе Наполеона, сидел мой серый ёж и смотрел на меня с укоризной и... пониманием? Его маленькие чёрные глазки блестели разумом, которого я раньше в них

не замечала.

— Лаврик?! — прошептала я, не веря своим глазам и ушам. Мой уже расшатанный мозг, балансирующий на грани нервного срыва, угрожающе закрипел. — Ты... ты тоже здесь? И ты... говоришь? На человеческом языке?

— В этом дивном новом мире, — с невероятным апломбом и достоинством поправил ёж, — попрошу величать меня Лаврентием. Полное имя — Лаврентий Мудрый. И да, я говорю. Причём весьма неплохо, если сам так могу выразиться. А ты, как я погляжу, всё ещё в шоке от происходящего. Ничего, пройдёт. Рано или поздно.

Он говорил! Мой ёж говорил человеческим голосом, да ещё и с аристократическими интонациями! Это уже не могло быть галлюцинацией. Это была полноценная шизофрения.

— Что пройдёт?! — вопросы сыпались из меня, как горох из рваного мешка. — Где мы?! Что со мной происходит?! Почему у меня живот, как будто я проглотила автомобильную крышку?! Почему ты разговариваешь?! И вообще, что за чёрт!

— Так, по порядку, милая моя, — Лаврентий спрыгнул с подоконника с грацией, достойной кота, и подошёл ближе, оставляя на полу крошечные следы лапок. — Сейчас я всё объясню, только не паникуй. Во-первых: мы умерли. Тебя, к сожалению, размазало по асфальту довольно основательно, а меня, кстати, тоже зацепило колесом. Смерть была мгновенной, если это тебя утешит.

— Не утешает! — взвилась я.

— Во-вторых: наши души каким-то совершенно невероятным чудом перенеслись в другой мир. Магический, судя по всему. В-третьих: ты теперь находишься в теле девицы по имени Мэри Уинтерборн, семнадцати лет от роду, дворянского происхождения, но весьма сомнительной репутации. А эта твоя "автомобильная покрывка" — это её беременность. Идёт четвёртый месяц: так сказала служанка, которая принесла ей вчера отвар. Я очнулся раньше тебя и успел кое-что подслушать.

Семнадцать — возраст этого тела. Я оставалась двадцативосьмилетней Олей, но перед людьми мне предстояло жить чужой юностью, о которой я ничего не знала. От этой мысли стало ещё страшнее.

Он замолчал, давая мне время переварить информацию.

— Беременна?! — заорала я, хватая себя за голову. — От кого?! Я же... у меня диагноз... я не могу...

— Знаю, дорогая, знаю, — сочувственно вздохнул ёж, и в его маленьких глазках мелькнула печаль. — В прошлой жизни у тебя был тот самый диагноз. А в этой — вот такой вот сюрприз судьбы. И это, моя дорогая Оля-теперь-Мэри, наша самая главная и насущная проблема. Потому что, судя по тому, что я успел узнать, слушая разговоры, никто в этом доме не знает, от кого этот ребёнок. Сама Мэри молчала. А о чём молчат, о том здесь охотно сочиняют.

— То есть как это "не знает"?! — возмущённо восклик-

нула я.

— Не знаю, — Лаврентий опустил нос, и его самоуверенность впервые дала трещину. — Я слышал только чужие сплетни. По ним нельзя судить ни о ней, ни об отце ребёнка.

За дверью разгорелась настоящая перепалка. Женский визгливый голос — тот самый, что меня разбудил — и мужской, низкий, бархатистый, но холодный, как льдина в океане. От этого голоса по моей спине пробежали мурашки, а в комнате как будто похолодало на несколько градусов.

— Альбина, прекрати этот фарс, — мужской голос звучал устало, но в нём слышались нотки власти, которой привыкли подчиняться без вопросов. — Дай ей хотя бы нормально собраться. Мы же не дикари.

— Нет! — визжала женщина, и в её голосе звучала истерика. — Я не желаю терпеть её в моём доме ни минуты, ни секунды больше! Она опозорила нас! Опозорила твою семью! Опозорила меня!

— В твоём доме? — в мужском голосе прорезались опасные нотки, и даже через дверь я почувствовала, как воздух стал плотнее. — Альбина, дорогая, ты не забыла, кто здесь настоящий хозяин? Чей это замок? Чьи земли?

— Алессандро, милый, — мгновенно защebetала женщина, и её голос стал приторно-сладким, — конечно, конечно, ты прав. Но эта... эта девчонка — живой позор для твоего благородного рода! Беременная потаскуха неизвестно от кого! Как ты можешь её терпеть под своей крышей?

Алессандро. Значит, хозяина замка зовут Алессандро. Красивое имя. И судя по голосу, красивый мужчина. Жаль, что он, видимо, полный ублюдок.

Дверь с оглушительным грохотом распахнулась, задев что-то металлическое на стене. На пороге показалась высокая блондинка лет тридцати с лицом ангела и глазами смертоносной гадюки. Она была одета в роскошное платье цвета морской волны, её волосы были уложены в сложную причёску, а на шее и руках сверкали драгоценности. Среди них выделялся тёмный камень в старой оправе: рядом с ним даже бриллианты казались тусклее. Настоящая аристократка. Красивая, богатая и, судя по выражению лица, абсолютно беспощадная.

Леди Альбина. Имя само всплыло в моей голове — видимо, воспоминания Мэри.

Вслед за именем пришло другое: Мэри называли кузиной по привычке, но кровного родства с ди Монтефиоре у неё не было. Осиротевшую дочь знакомой семьи взяли на воспитание и представляли дальней родственницей, чтобы избавиться от унижительных вопросов. Обрывок исчез, оставив меня с новым вопросом: куда делась сама Мэри?

Рядом с ней, как тень при свечке, маячила сторбленная старуха в чёрном платье, похожая на Бабу-Ягу в стадии глубокой депрессии. Седые волосы были стянуты в тугий пучок, лицо изрезано морщинами, а глазки-бусинки смотрели на мир с недоверием и злобой. Служанка. Или компаньонка.

Дафна — снова всплыло имя.

— Ну вот и она, наша "невинность", — ядовито скривила губы блондинка, окинув меня презрительным взглядом с ног до головы, словно оценивая товар на рынке. Её взгляд надолго задержался на моём животе с откровенным отвращением, как будто она смотрела на что-то мерзкое и заразное. — Дафна, вышвырни её жалкие пожитки во двор. Пусть собирает.

— Слушаюсь, миледи, — прошипела старуха и скрылась в глубине комнаты.

Я медленно поднялась с кровати, пытаюсь привыкнуть к новому центру тяжести и сохранить остатки человеческого достоинства. Чужое тело слушалось не сразу; от резкого движения закружилась голова. Но я не собиралась показывать этим гарпиям свою слабость.

— Прошу прощения, — мой голос прозвучал на удивление спокойно и даже немного надменно, — но, кажется, я пропустила начало этого увлекательного представления. В чём, собственно говоря, дело? За что такой почёт?

Альбина расхохоталась. Холодно, мерзко, с нотками истерики.

— В чём дело? — передразнила она мой тон. — Ты спрашиваешь, в чём дело? Ты нагуляла отродье неизвестно от кого и позоришь благородный род ди Монтефиоре! Ты — живое напоминание о том, что в этом доме живёт шлюха!

В этот момент в дверном проёме появился он.

И мир остановился.

Мужчина, от одного вида которого у меня перехватило дыхание и участилось сердцебиение. Высокий — около ста восьмидесяти пяти сантиметров, широкоплечий, с идеальной осанкой прирождённого воина. Тёмные волосы, слегка выующиеся, обрамляли благородное лицо с чётко очерченными скулами и сильным подбородком. Но главное — глаза. Глаза цвета расплавленного золота, хищные и гипнотизирующие. Глаза дракона.

Одет он был просто, но дорого — тёмные штаны, белая рубашка, чёрный камзол. Никаких излишеств, но каждая деталь кричала о власти и богатстве. Это был человек, привыкший командовать и быть в центре внимания.

Хищник. Властелин. Опасность, завёрнутая в неприлично красивую мужскую упаковку.

Алессандро ди Монтефиоре. Лорд замка. И, судя по всему, полный ублюдок в красивой обёртке.

— Что здесь за цирк? — его голос не был громким, но от него зазвенели стёкла в окнах и, кажется, даже пыль на полу перестала шевелиться. Голос абсолютной власти.

— Алессандро! — мгновенно проворковала Альбина, льнув к его плечу, как кошка к тёплому месту. — Милый, я как раз помогаю нашей дорогой Мэри... собраться в дорогу. Она нас покидает. Наконец-то покидает.

Золотые глаза медленно переместились на меня, и я ощутила, как по всему телу пробегает обжигающая волна. В этом

взгляде было всё: гнев, презрение, разочарование, усталость и что-то ещё, чего я не смогла разобрать. Боль? Сожаление?

— Мэри, — он произнёс моё новое имя так, будто оно оставляло во рту привкус горечи и пепла. — Наконец-то соизволила очнуться. Я уж думал, ты решила проспать собственное изгнание. Как неосмотрительно с твоей стороны.

В его тоне была ледяная вежливость, более оскорбительная, чем открытая грубость.

— Как видите, не дождётесь, — я упрямо вздёрнула подбородок, включая всю свою природную наглость. — Жива, здорова и готова освободить вас от своего неприятного присутствия.

— Превосходно. И что скажешь в своё оправдание? — он скрестил руки на груди, и мышцы под тканью рубашки напряглись. — Или ты по-прежнему собираешься молчать, как рыба?

— А в чём именно меня обвиняют? — ядовито-сладким голосом поинтересовалась я, включив всю свою ехидность. — В том, что я беременна? Так это, знаете ли, процесс обоюдный. Последний раз, когда я проверяла анатомию, для этого требовалось участие представителя мужского пола.

Гробовая тишина опустилась на комнату, как похоронный саван. Альбина отшатнулась, словно я её физически ударила. Старуха Дафна мелко закрестилась и прошептала что-то о дьявольском отроде. А дракон... дракон впервые посмотрел на меня с неподдельным интересом. В его золотых гла-

зах мелькнула искра — удивления? Уважения? Или просто любопытства к наглой твари, которая смеет огрызаться?

— Ты... ты смеешь намекать?.. — прошипела Альбина, побелев от ярости.

— Я ни на что не намекаю, — спокойно отрезала я, глядя прямо в золотые глаза напротив. — Я констатирую простой биологический факт. Для зачатия ребёнка нужен мужчина. Или вы, местные аристократы, уже научились размножаться почкованием? Как гидры? Это было бы революционным открытием.

Годы унижений в прошлой жизни — придирки начальства, хамство клиентов, презрение более успешных одноклассниц — всё это вскипело во мне праведным гневом. Хватит! С меня хватит быть жертвой! Если уж мне суждено умереть второй раз, то хотя бы с достоинством!

— Дерзкая, — наконец произнёс Алессандро после долгой паузы, и уголок его рта едва заметно дрогнул. Улыбка? Или гримаса отвращения? — Очень дерзкая для девицы в твоём положении. Но это не меняет сути происходящего. Ты опозорена. Ты носишь внебрачного ребёнка. Ты больше не можешь жить под моей крышей.

— Ах, извините великодушно! — я всплеснула руками в театральном жесте. — Конечно же, виновата всегда женщина! Какая удобная позиция! А где же были все вы, благородные родственнички и защитники чести семьи, когда этой самой Мэри, возможно, требовалась помощь или защита? Где

были ваша забота и руководство? Легко судить и выносить приговоры, когда беременность уже не скроешь!

— Довольно! — рявкнул он, и от его голоса задрожали стёкла. — Вон! Из! Моих! Владений! До заката солнца! Что-бы духу твоего здесь больше не было!

— С превеликим удовольствием! — рявкнула я в ответ, чувствуя пьянящий азарт битвы. — Да я сама отсюда сбегу, лишь бы не дышать одним воздухом с вашим лицемерным семейством!

Я развернулась и начала без разбора швырять в потрёпанный кожаный чемодан жалкие пожитки покойной Мэри. Кое-как натянув коричневое платье, я продолжила собираться. Несколько простых платьев — серое, коричневое, одно синее получше. Нижнее бельё, грубое, но чистое. Пара чулок с заплатками. Несколько книг — молитвенник, сборник стихов, что-то похожее на роман. На дне старого шкафа обнаружилась небольшая деревянная шкатулка с горстью серебряных и медных монет и простым золотым колечком с каким-то камушком.

Мой стартовый капитал в новой жизни. Впечатляет.

— Это всё? — спросила я, с силой захлопывая чемодан.

— Всё, что ты заслужила, — ледяным тоном ответил Алессандро. — И больше, чем следовало дать.

Я схватила чемодан — он оказался тяжелее, чем ожидалось — и, не глядя ни на кого из этого славного семейства, направилась к выходу. У самого порога я не выдержала и

обернулась.

— Знаете что? — сказала я, глядя прямо в его золотые, сейчас такие холодные глаза. — Я вам даже благодарна. Искренне благодарна. Вы подарили мне то, чего у меня никогда не было в прошлой жизни. Свободу. Лучше быть нищей, но свободной, чем сытой, но в золотой клетке с решётками из лицемерия. Прощайте. И постарайтесь не скучать.

Я уже переступила порог, когда услышала его тихий голос. Такой тихий, что я едва его расслышала.

— Мэри.

Я остановилась, но не обернулась. Что-то в его интонации заставило меня замереть.

— Береги себя, — неожиданно глухо и... грустно? сказал он.

И в этих простых словах было столько всего — сожаления, боли, какой-то скрытой нежности, — что у меня на миг перехватило дыхание. Но я не обернулась. Гордость не позволяла.

Я вылетела во внутренний двор замка, где меня уже поджидал Лаврентий. Он сидел на камне у фонтана и чистил свои иголки с видом философа, размышляющего о бренности бытия.

— Ну, — философски заметил ёж, усаживаясь в широкий карман моего платья, — могло быть и хуже. Тебя не сожгли на костре за связь с дьяволом. Не утопили в пруду как ведьму. Не забили камнями за распутство. Уже прогресс. Куда

теперь держим путь, о моя опальная госпожа?

Я посмотрела на свой округлившийся живот, на убогий чемоданчик с жалким скарбом и на уходящую вдаль дорогу, которая терялась в лесу. Страх медленно сменялся упрямой решимостью. Знакомое чувство — то же самое я испытывала, когда мечтала открыть собственную пекарню вопреки всем советчикам.

— Понятия не имею, Лаврентий, — честно призналась я, делая первый шаг прочь от замка ди Монтефиоре. — Но одно я знаю совершенно точно. Я докажу этому напыщенному дракону и его ядовитой женушке, что Мэри Уинтерборн — это не та девушка, о которую можно безнаказанно вытирать ноги! Я ещё всем покажу, как выживать в этом мире! И как печь самые вкусные пироги в этом королевстве!

— Вот это правильный настрой! — одобрительно фыркнул ёж. — Завоюем их сердца через желудки! Накормим до беспамятства! Вперёд, к приключениям и углеводам!

И я впервые за весь этот безумный, невероятный день искренне улыбнулась. Да, это было новое начало. Страшное, неопределённое, но определённо моё.

Что ж, посмотрим, на что способна Оля Смирнова в теле Мэри Уинтерборн. Этот мир ещё пожалеет, что связался со мной.

Глава 2

Я брела по грязной, размытой дождями дороге, сама не зная куда, с единственной мыслью — уйти как можно дальше от замка ди Монтефиоре и тех презрительных золотых глаз. Холодный осенний ветер пронизывал до костей, продувая насквозь мой простой плащ, который явно не был рассчитан на такую погоду. А в животе урчало от голода и нарастающего страха. Что я буду делать? Куда иду? Как выживу?

Холодный ветер сушил слёзы на щеках, стягивая кожу. Каждый шаг отдавался тупой, ноющей болью в пояснице — непривычная нагрузка делал это вынужденное путешествие ещё более невыносимым. Старый потёртый чемодан постоянно бил меня по ногам, и мне приходилось перехватывать его, рискуя окончательно оторвать треснувшую кожаную ручку.

Несколько раз я была готова просто лечь прямо здесь, в эту холодную, чавкающую под ногами грязь, закрыть глаза и больше не вставать. Просто сдаться. Что, в сущности, мешало мне умереть во второй раз? Но каждый раз, когда отчаяние готово было поглотить меня окончательно, я прижимала ладонь к животу, напоминая себе, что я теперь не одна. Что права на слабость у меня больше нет. Что кто-то совсем крошечный и беззащитный рассчитывает на меня.

— Командир, держите строй! — прошептал Лаврентий из

широкого кармана моего платья. Его голос был приглушённым тканью, но полным неукротимого оптимизма, который меня одновременно восхищал и бесил. — Высокомерный вид отпугивает потенциальных врагов и бродячих собак! А также демонстрирует окружающим, что мы не сломлены!

— Лаврентий, — прохрипела я, останавливаясь, чтобы перевести дух, — у меня в правом боку колет, как будто там засел кинжал, спина отваливается по позвонкам, а мой высокомерный вид сейчас рухнет в голодный обморок прямо на твои глаза. Какой ещё строй? Мы отступаем по всем фронтам, и наша оборона трещит по швам. И кажется, сейчас я упаду прямо в эту лужу, и это будет наш последний рубеж.

Но я не упала. Просто потому, что упасть означало сдаться. А сдаваться я не умела — ни в прошлой жизни, ни в этой.

Мы были изгнанниками. Париями. Хуже, чем нищими — у нищих хотя бы были семьи, корни, знакомые места. А у нас не было ничего, кроме содержимого потрёпанного чемодана и нескольких монет в кармане.

Проходящие мимо крестьяне на скрипучих телегах, запряжённых усталыми лошадьми, шарахались от меня, как от заразной больной. Женщины инстинктивно прижимали к себе детей и что-то негодуяше шептали своим мужьям, не сводя с меня осуждающих взглядов. Мужчины отводили глаза, но я чувствовала их любопытство — нездоровое, липкое, неприятное.

Я видела в их глазах знакомую смесь жалости и презре-

ния. Беременная. Одинокaя. Молодая. Изгнанная из приличного дома. Я была живым воплощением позора, ходячей сплетней, укором всем порядочным женщинам этого мира. И самое страшное — я начинала верить в их правоту.

К полудню голод стал невыносимым. В какой-то момент я не выдержала и обратилась к пышной торговке, которая продавала яблоки и груши с деревянного лотка на въезде в первый попавшийся городок. От её товара пахло так божественно — свежими фруктами, корицей, мёдом, — что у меня свело скулы от слюноотделения.

— Простите, добрая женщина, — начала я как можно вежливее, — вы не подскажете, где здесь можно найти недорогую гостиницу? Или хотя бы чистый постоялый двор?

Торговка — женщина лет сорока, с крупным, одутловатым лицом и маленькими, как бусинки, глазками — медленно оторвалась от счёта монет и смирила меня тяжёлым взглядом с ног до головы. Её взгляд задержался на моём округлившемся животе с откровенным осуждением и чем-то похожим на брезгливость.

— Гостиницу? — презрительно хмыкнула она, вытирая грязные руки о ещё более грязный фартук. — Для таких, как ты, девка, место только там, — она неопределённо махнула пухлой рукой в сторону самых бедных, покосившихся домишек на дальней окраине, где из труб валил чёрный, удушливый дым. — В Гнилых переулках. Там и ищи себе подобных. И не отсвечивай тут, порядочным людям торговлю портишь

одним своим видом.

Её слова ударили меня, как пощёчина. Точнее, как серия пощёчин. Я молча развернулась и побрела прочь, чувствуя, как её презрительный смех и злорадные комментарии соседок-торговок впиваются мне в спину, как ледяные иглы.

— Не обращай внимания на эту корову, — возмущённо пропищал Лаврентий. — Она просто завидует твоей красоте и негибаемой воле! А ещё у неё, судя по запаху, испортилась половина яблок!

— Она просто видит то, что есть, — устало ответила я, — бездомную, беременную девку без репутации и средств к существованию. И в чём-то она абсолютно права. Нам действительно нужно искать не приличную гостиницу, а любую дыру, где можно спрятаться от дождя и холода.

Наши поиски крыши над головой превратились в удручающий квест по самому дну местного общества. Гнилые переулки оказались настоящим чистилищем этого мира — узкие, кривые улочки, где булыжники были покрыты слизью неопределённого происхождения. Воняло помоями, человеческими отходами и чем-то гниющим. Хмурые, подозрительные лица выглядывали из тёмных углов и подворотен.

Мы заглянули в несколько мест, которые местные жители с большой натяжкой называли постоялыми дворами. В первом хозяин — одноглазый детина с гнилыми зубами и руками, которые явно не мылись с прошлого столетия, — пред-

ложил мне "койку в общем зале и отработку на кухне". При этом он окинул меня таким откровенно похотливым взглядом, что я моментально поняла: отрабатывать придётся далеко не только мытьём посуды и чисткой овощей.

— Спасибо, но мне не подходит, — быстро ответила я и выскочила оттуда, как ошпаренная.

Во втором заведении, которое гордо именовалось "Таверной 'Спящий Дракон'", с нас запросили такую сумму, что на все мои деньги — включая то, что я надеялась выручить за кольцо — я смогла бы прожить там не больше двух-трёх дней. А потом что? Опять улица, голод и поиски всё более сомнительных пристанищ.

— Так, — решительно заявил Лаврентий, когда мы в очередной раз оказались на грязной улице под моросящим дождём, — план кардинально меняется. Мы больше не ищем временное жильё. Мы ищем постоянную базу операций. Заброшенную. Бесплатную. И желательно с действующей печкой.

— А где мы такую найдём? — устало спросила я. — Ты думаешь, заброшенные дома с печками просто валяются на дороге?

— Не знаю, — честно признался ёж. — Но искать точно стоит. В крайнем случае, займём какой-нибудь сарай или конюшню.

Я уже была готова окончательно сдаться и просить ночлега в первом попавшемся хлеву, когда мы завернули на са-

мую последнюю, самую забытую богом и людьми улочку на окраине города. Здесь было тише, чище, но и пустыннее — большинство домов стояли с заколоченными окнами.

И тут я увидела его.

Двухэтажный дом стоял особняком, словно стесняясь своего запущенного вида. Но даже в запустении в нём чувствовалось благородство — это было не убожество трущоб, а аристократическое увядание. Нижний этаж с большими, хоть и пыльными, витринными окнами говорил о том, что здесь когда-то была лавка. Широкая входная дверь из добротного дуба, над которой висела покосившаяся, выцветшая, но всё ещё читаемая вывеска: "Пекарня 'Сладкая крошка'".

Верхний этаж, судя по маленьким уютным окошкам с резными наличниками, был жилым. На крыше стояла кирпичная труба — значит, печь была. А во дворе виднелись ветви какого-то большого дерева.

— Лаврентий, смотри! — прошептала я, боясь спугнуть удачу громким голосом.

— Вижу, — так же шёпотом ответил ёж. — Выглядит... перспективно. По крайней мере, не воняет дохлятиной и человеческими отходами. И похоже, что заброшено довольно давно.

Я подошла ближе, осторожно ступая по заросшим сорняками камням мостовой. Краска на ставнях облупилась, местами штукатурка осыпалась, обнажая кирпичную кладку, но основательность была видна невооружённым глазом —

стены крепкие, фундамент не просел, крыша хоть и покрыта мхом, но целая, окна не выбиты.

Я заглянула в мутное от пыли окно первого этажа, прикрыв глаза ладонью от бликов. Внутри царил беспорядок забвения — опрокинутые столы, сломанные полки, груды мусора. Но в углу, в самом дальнем углу помещения, стояла она.

Печь.

Огромная, кирпичная, с широкой тёмной пастью и массивным дымоходом, она была настоящим сердцем этого дома. И я, как кондитер с десятилетним стажем, как профессионал, который знал цену хорошему оборудованию, сразу увидела — это не просто печь для выпечки хлеба. Это было произведение искусства.

Правильная кладка из отборного кирпича. Идеальные пропорции топки. Сложная система дымоходов для равномерного прогрева. Чугунная заслонка ручнойковки. Такая печь могла творить настоящие чудеса — хлеб в ней получался с золотистой хрустящей корочкой и пышным, воздушным мякишем. Пироги пропекались равномерно. А торты... о, в такой печи можно было печь торты, достойные королевского стола.

— Это знак, — выдохнула я, чувствуя, как внутри меня просыпается что-то давно забытое. Надежда.

— Или просто удача, — скептически проворчал Лаврентий. — Давай сначала проверим задний двор. Вдруг там

кладбище домашних животных или свалка нечистот.

Я обошла дом по узкой тропинке, заросшей крапивой и лопухами, и замерла.

Задний двор представлял собой настоящий заросший рай. Одиравший, но всё ещё прекрасный сад, где между сорняками можно было разглядеть остатки грядки с травами, заросли смородины и малины, яблони с уже опавшими плодами.

И в центре всего этого великолепия возвышалась она — огромная, раскидистая груша, которая, казалось, подпирала своими могучими ветвями само небо. Её ствол был такой толщины, что его едва ли смогли бы обхватить трое взрослых мужчин. Кора была тёмной, изборозждённой морщинами времени, но живой, тёплой на ощупь.

— Какая... мощь, — выдохнула я, невольно прислонившись к её шершавой, приятно пахнущей древесиной коре.

— Спасибо, дорогуша, — неожиданно раздался мелодичный, чуть скрипучий голос, похожий на шелест листвы под ветром. — Приятно слышать комплименты от молодой особы с хорошим вкусом.

После говорящего ежа я уже почти перестала удивляться подобным вещам. Почти.

— Здравствуйте, — вежливо поздоровалась я с деревом. — Меня зовут Мэри. А вас?

— Я знаю, кто ты, дитя моё, — мудро ответил голос. — Я всё вижу отсюда. Все дороги, все сердца, все надежды. Меня зовут Груня. Можно просто Груня, без церемоний. Я уже

давно не стою на этикете.

Дерево, кажется, внимательно "осматривало" меня невидимыми глазами, и я почувствовала себя как на экзамене.

— Ищешь дом, маленький пекарь? — спросила Груня после долгой паузы.

— Ищу, — честно кивнула я. — Очень ищу. Отчаянно ищу.

— Многие искали до тебя, — печально вздохнула Груня, и её ветви мягко закрипели. — Но этот дом с характером. Он разборчив в хозяевах. Он помнит своего последнего владельца, мастера Эдвина Добросердного. Ах, какие у него были руки! Золотые руки! Его хлеб был как песня, его булочки с шафраном пахли так божественно, что у меня по весне листья раньше времени распускались от одного этого аромата.

Голос дерева стал мечтательным, полным ностальгии.

— А его медовик... о, дитя моё, какой у него был медовик! Восемь тонких медовых коржей, пропитанного мёдом и коньяком, прослоенного кремом из лучшего масла... Его покойная жена Лианна обожала этот торт. Каждый день рождения, каждую годовщину, каждый праздник — он пёк для неё медовик. А когда её не стало от лихорадки, он больше никогда его не делал. Сказал мне однажды, что вкус мёда теперь всегда будет отдавать горечью потери.

Груня замолчала, погружённая в воспоминания.

— Что с ним стало? — тихо спросила я.

— Загрустил, затосковал и уехал к дальним родственни-

кам в другое королевство. Сказал, что не может больше жить там, где каждый угол напоминает о ней. А дом остался. И тоже затосковал. Он больше не любит чужих. Последние пять лет он стоит пустой, ждёт своего настоящего пекаря. Многие пытались здесь поселиться, но дом их... не принимал.

— Как это не принимал? — заинтересованно спросил Лаврентий.

— Печь не хотела разгораться. Тесто не поднималось. Молоко скисало. Мука отсыревала. Крысы заводились. Сквозняки начинались. Простуды, несчастные случаи... — Груня перечисляла как список военных потерь. — Обычно новые жильцы выдерживали не больше недели.

— И почему вы думаете, что со мной будет по-другому? — спросила я. — Чем я лучше других?

Дерево испытывало меня. Я чувствовала это всем своим существом. Я посмотрела на её могучие ветви, на свой округлившийся живот, на убогий чемоданчик с жалким скарбом.

— Ничем не лучше, — честно ответила я. — Я такая же уставшая, потерянная женщина, как и все остальные. Я злая на весь мир и напугана до смерти. Мне отчаянно нужно место, где можно родить своего ребёнка в тепле и безопасности. И мне больше совершенно некуда идти. А ещё... — я посмотрела в сторону запылённого окна, за которым виднелась печь, — а ещё эта печь... она меня позвала. Не знаю, как это объяснить, но когда я её увидела, то почувствовала...

узнавание. Как будто мы встретились после долгой разлуки.

Груня надолго замолчала. Так долго, что я уже начала думать, провалила ли я этот странный экзамен. А потом дерево рассмеялось — звук был похож на мелодичный шелест тысячи листьев под летним ветром.

— Хороший ответ, дитя моё. Честный. Без показного пафоса и ложной скромности. Мне нравится твой характер, девочка. И твоя правильная злость. Она живая, не мёртвая. Хорошо. Я даю тебе своё благословение. Попробуй подружиться с домом. Верни жизнь в эти стены. А я помогу, чем смогу. У меня тут кое-что есть для начала — яблоки, груши, орехи. И травы разные — мята, мелисса, чабрец. Пригодятся для чая и выпечки. А в конторе старосты хранятся бумаги Эдвина: он разрешил поселиться здесь тому, кого примет дом, за уход и ремонт. Узнай об этом, прежде чем открывать торговлю.

— А слышать тебя могут все? — я с тревогой покосилась на улицу.

— Кому открою голос, тот услышит, — тихо ответила Груня. — С Лаврентием иначе: он говорит вслух. А звериную речь вы понимаете не одинаково. Ему птицы расскажут больше, чем тебе.

— Спасибо, — искренне сказала я. — Но сначала мне нужны деньги на самое необходимое.

Прежде чем обживать в доме, нам действительно требовался хотя бы минимальный стартовый капитал. Я отпра-

вилась обратно в центр города, к ювелирным лавкам.

Мастерская Гидеона располагалась в старом доме между лавкой свечника и сапожника. Маленькая, тёмная, она пахла металлом, кислотой для очистки драгоценностей и чем-то ещё химическим. Сам мастер Гидеон оказался маленьким, сморщенным старичком с лицом, изрезанным морщинами, но с цепкими, живыми глазками и золотыми зубами.

Он долго вертел кольцо Мэри в своих жилистых пальцах, рассматривая его через увеличительное стекло, царапал чем-то острым, даже лизнул.

— Старая работа, — наконец проскрипел он голосом, который явно не знал масла уже много лет. — Золото низкопробное, четырнадцать карат, не больше. Камешек с трещиной, огранка примитивная. Максимум пять серебряных монет. И то я иду на убыток из-за вашей женской красоты.

Я быстро прикинула — пять серебряков хватит на неделю скромной жизни, не больше. Этого было катастрофически мало.

— Двадцать, — беззастенчиво соврала я, включив весь свой актёрский талант. — Это кольцо — не простое украшение. Это особый подарок. От самого лорда Алессандро ди Монтефиоре. Он подарил его своей... кузине в знак особого расположения и покровительства. Если он узнает, что местные ювелиры оценили щедрость одного из знатнейших родов королевства всего в пять серебряков, его драконья натура может очень, очень огорчиться. А лорд ди Монтефиоре,

как известно, не привык прощать оскорбления.

Глаза мастера Гидеона стали размером с блюдца. Он заметно побледнел, и его руки задрожали.

— Лорд... лорд ди Монтефиоре? — пролепетал он. — Святые небеса... Я же не знал... Простите, миледи... Конечно, пятнадцать! Пятнадцать серебряных монет! И это моё самое последнее, окончательное слово!

— Договорились, — милостиво кивнула я, забирая звонкие монеты. Пятнадцать серебряков! Для меня это было целое состояние! На эти деньги можно было купить муку, дрожжи, соль, сахар, немного масла и даже мёда.

У старосты я подписала договор найма: за ремонт и уход можно было жить в пекарне и торговать; права Эдвина на самом доме сохранялись. Потом я потратила ещё час, обходя лавки и выбирая самые необходимые продукты. Торговцы смотрели на меня с подозрением — молодая женщина в простом платье, явно не из богатых, но покупающая качественные товары. Но деньги есть деньги, и в конце концов мне удалось собрать приличный запас.

Вернувшись к дому, мы с Лаврентием начали "Операцию 'Чистый дом'". Это превратилось в настоящую войну против грязи, пыли и запустения.

Я, непривычная к новому телу и измученная дорогой, пыталась отмыть пятилетние наслоения пыли, грязи и паучьих сетей. Лаврентий руководил процессом с видом опытного прораба и время от времени лично участвовал в боевых дей-

ствиях.

Главным нашим врагом оказался гигантский паук размером с блюдо, который обосновался в кладовке и явно считал себя полноправным хозяином дома. Лаврентий немедленно окрестил его "Порождением Бездны" и объявил ему войну не на жизнь, а на смерть.

— Оля, он движется! — орал ёж, когда паук попытался переползти с одной полки на другую. — Атака! Атака!

Мы победили Порождение Бездны совместными усилиями — я использовала старую метлу как пику, а Лаврентий отвлекал противника манёврами и громкими боевыми кличами. В результате паук был изгнан через окно, а мы почувствовали себя героями.

— Оля, ты моешь пол неправильно! — командовал ёж, когда я пыталась отскрести въевшуюся грязь. — Ты делаешь это против часовой стрелки! Так ты вымываешь из дома удачу! Нужно обязательно по часовой! И при этом напевать что-нибудь весёлое для привлечения положительной энергии!

— Лаврентий, — прорычала я, стоя на четвереньках с тряпкой в руках, — если ты сейчас же не заткнёшься со своими советами, я начну напевать рецепт запечённого ежа в яблоках под медовым соусом!

— Это угроза? — возмутился он.

— Предупреждение, — процедила я, не отрываясь от упрямого пятна на полу.

К вечеру мы едва стояли на ногах от усталости, но резуль-

тат превзошёл все ожидания. Дом было не узнать. Он всё ещё был старым и потрёпанным, но он стал... живым. Чистым. Он начал дышать.

Окна пропускали последние лучи заходящего солнца. Печь, освобождённая от паутины и мусора, выглядела вполне рабочей. Прилавок, отмытый и отполированный, готов был принять первые булки. На втором этаже мы обнаружили вполне приличную спальню с большой кроватью и гардеробом.

Первую ночь мы провели на втором этаже, на старом соломённом матрасе, который успели выбить во дворе и просушить у растопленной печи. Простыни нашлись в сундуке — пожелтевшие от времени, но целые и чистые.

Я лежала под грубым одеялом, глядя в окно на яркие осенние звёзды. Тело болело от непривычной работы, спина ныла, но на душе было удивительно спокойно. Впервые за этот бесконечный день я чувствовала себя... дома.

— Лаврентий, — позвала я в темноту.

— М-м-м? — сонно отозвался ёж со своей подушечки.

— Как думаешь, справимся? — спросила я, не узнавая собственного тихого голоса.

Лаврентий помолчал, видимо, обдумывая ответ, а потом серьёзно сказал:

— Знаешь, в прошлой жизни я был самым обычным ежом. До встречи с тобой жил в парке, ел червяков и гусениц, прятался от собак и людей. Потом ты забрала меня до-

мой. Моей главной целью было найти червяка пожирнее и не попасть под колёса машины или велосипеда. А теперь я — финансовый директор и глава службы безопасности целой пекарни! По-моему, это просто шикарный карьерный рост. И у тебя тоже всё будет хорошо.

Я невольно улыбнулась в темноте и положила руку на живот. Малыш шевельнулся, как будто соглашаясь с мудрыми словами ежа.

Лаврентий был прав. В прошлой жизни у меня был приговор — "бесплодие". А теперь — у меня будет ребёнок. И дом. И даже говорящие друзья, которые верят в меня.

— Завтра, — прошептала я, засыпая под убаюкивающий шёпот ветра в ветвях Груни, — завтра я куплю самую лучшую муку и испеку свой первый хлеб в этом мире. Хлеб надежды.

— Медовик! — сонно пробормотал Лаврентий. — Обязательно испеки медовик для Груни! Она о нём мечтает уже пять лет!

Я улыбнулась ещё шире. Да. Обязательно медовик. Как символ моей маленькой, сладкой мести этому несправедливому миру. И как начало моей новой, большой надежды на счастье.

Глава 3

К утру аромат медового теста уже плыл по заброшенной пекарне, и я поняла — либо я гений кулинарии, либо окончательно сошла с ума от беременности. Желудок предательски заурчал, напоминая, что внутри меня поселился маленький монстрик, требующий кормления каждые полчаса.

— Оля! — прочирикал Лаврентий, когда я разложила продукты на столе. — Готова завоевывать кулинарные вершины?

— Я готова завоевать хотя бы завтрак, — проворчала я, потирая живот. — Этот маленький монстрик внутри требует еды каждые полчаса!

— Зато есть волшебный чай от Груни! — радостно объявил еж, указывая лапкой на дымящуюся кружку. — Она говорит, специально для беременных приготовила!

Я с подозрением понюхала напиток. Пахло травами, медом и чем-то неопишимо уютным, словно детство и бабушкины пироги решили превратиться в аромат.

— Не отравит? — на всякий случай уточнила я.

— Оля! — возмутилась Груня, шелестя ветвями. — Я же не Дафна какая-нибудь! Пей спокойно, это витамины и энергия в одном флаконе!

После первого глотка я поняла — это магия в чистом виде. Усталость испарилась, как утренний туман, а энергия за-

бурлила в жилах, словно кто-то подключил меня к электростанции. Даже ребенок внутри успокоился и перестал устраивать гастрономические бунты.

— Груня, ты гений! — воскликнула я. — Что там у тебя еще в ассортименте?

— Груши сладкие, мед от моих пчелок, травки всякие для выпечки, — скромно перечислило дерево. — А еще могу ускорить рост всего, что посадишь. У меня опыт триста лет!

— Отлично! — Я потеряла руки. — Тогда приступаем к операции "Завоевание желудков"!

План был простой, как три копейки: испечь что-то невероятно вкусное, выставить на витрину, дожидаться, пока аромат сведет с ума всю округу, и считать прибыль. В теории звучало великолепно. На практике...

— А что печем? — поинтересовался Лаврентий, забираясь на стол для лучшего обзора.

— Медовик! — объявила я торжественно. — Самый настоящий русский медовик, от которого местные жители будут падать в обморок от восторга!

— А если не оценят? — Лаврентий тревожно покосился на наши последние запасы.

— Упадут, — уверенно заявила я. — У меня рецепт секретный, семейный. Бабушка еще в советские времена им соседок с ума сводила.

Все необходимое у меня было: мука из вчерашних покупок, яйца от соседней фермерши, к которой Груня отпра-

вила Лаврентия с запиской, масло, купленное на остатки от продажи кольца, и главное — мед от грушиных пчел. Такого меда я не пробовала даже в прошлой жизни — ароматный, густой, с привкусом летних цветов и какой-то неописуемой магии.

— Ты уверена, что помнишь рецепт? — засомневался Лаврентий, наблюдая, как я отмеряю ингредиенты.

— Лаврентий, — сказала я, взбивая тесто, — я этот медовик пекла еще до того, как научилась нормально ходить. Он у меня в ДНК записан!

— Ладно, верю, — согласился еж. — А можно я попробую тесто?

— Нет, — я отодвинула миску, с трудом удержав улыбку. — Сначала испечём. Ты мне нужен консультантом, а не пациентом.

— Я не обычный еж! — возмутился Лаврентий. — Я еж с тонким вкусом и глубоким пониманием кулинарии!

— С тонким вкусом к червякам, — хмыкнула я.

— Это было в прошлой жизни! — обиделся еж. — Теперь я существо высокоинтеллектуальное и разборчивое в еде!

Пока мы препирались, медовая масса остывала, наполняя пекарню ароматом, от которого хотелось немедленно все бросить и заняться поеданием воздуха. Печь нагрелась до нужной температуры, и я аккуратно поставила противни с коржами.

— Сколько ждать? — нетерпеливо спросил Лаврентий.

— На все тонкие коржи уйдёт около получаса: каждый печётся несколько минут, — прикинула я, проверяя жар у за-
слонки. — Потом крем и сборка. А пропитаться торту нужно
как следует; будем продавать ближе к вечеру.

— Долго, — вздохнул еж. — А можно я пока разведку
проведу? Посмотрю, что за народ в округе живет?

— Только осторожно! — предупредила я. — И выясни,
как здесь относятся к говорящим зверям. Не хочу пугать
первого же покупателя.

— Я не дурак! — фыркнул Лаврентий. — Буду изобра-
жать обычного домашнего ежика!

И он отправился на разведку, оставив меня наедине с аро-
матами выпечки и нарастающим волнением. А вдруг никто
не купит? А вдруг местным не понравится? А вдруг я зря
трачу последние деньги?

— Не переживай, дорогуша, — успокоила меня Груня. —
Я уже чую твою выпечку. Аромат такой, что мои пчелы со-
бираются улететь к тебе на кухню!

— Правда хорошо пахнет? — неуверенно спросила я.

— Прекрасно пахнет, — отозвалась Груня, и в её голосе
дрогнула нежность. — Напоминает Эдвина. Только у тебя
мёд звучит иначе.

Через полчаса я вытащила последний тонкий корж — зо-
лотистый, источающие медовое благоухание. Пока они осты-
вали, принялась за крем. Сметана здесь была настоящая, де-
ревенская, густая как майонез и в два раза вкуснее. Сахара

добавила умеренно — не знала, насколько местные сладко-ежки.

— Я вернулся! — объявил Лаврентий, вкатываясь в пекарню как шарик. — У меня новости!

— Какие? — спросила я, не отрываясь от взбивания крема.

— Хорошие и плохие. Хорошие — народ здесь простой, добрый, любит вкусно поесть. Плохие — конкуренция есть.

— Кто продаёт рядом? — я замедлила венчик, сразу представив чужую очередь у своей двери.

— Булочная на центральной площади. Хозяйка — тетка Марфа, пышная как пончик и злая как голодная оса. Торгует обычным хлебом, но монополию держит железной хваткой.

— Ясно, — кивнула я. — Значит, нужно доказать, что русская выпечка лучше местной.

— Именно! — согласился Лаврентий. — Говорящие звери здесь редкость, но их не считают нечистой: люди удивляются и расспрашивают. А ещё я узнал, что завтра ярмарка. Полгорода на площадь придет!

— Завтра? — Я задумалась. — Тогда сегодня пробный шар, а завтра — генеральное наступление!

После нескольких часов в прохладной кладовой медовик пропитался. Тогда я поставила его на витрину у окна. Торт получился как с картинки — высокий, ровный, с глазурью, переливающейся на солнце как жидкое золото. Рядом поставила табличку "Русский медовик — попробуйте чудо!"

— А теперь ждем? — спросил Лаврентий.

— Теперь ждем, — подтвердила я.

Ждать пришлось минут пятнадцать. Первой жертвой аромата стала молодая женщина с корзинкой. Она шла мимо, приняхалась, остановилась, еще раз приняхалась и медленно повернула к пекарне.

— Добро пожаловать! — встретила я ее у порога. — Меня зовут Мэри, я только открылась!

— Катерина, — представилась женщина, не сводя глаз с медовика. — А это что такое? Никогда не видела...

— Медовик! — гордо объявила я. — Особый рецепт, секретный. Хотите попробовать кусочек?

— А... можно? — неуверенно спросила Катерина.

Я отрезала приличный кусок и подала на тарелочке. Женщина осторожно попробовала и... у нее округлились глаза.

— Мамочки мои! — прошептала она. — Это же... это же...

— Вкусно? — с замиранием сердца спросила я.

— Это не вкусно! — Катерина покачала головой. — Это ВОЛШЕБСТВО! Где вы такому научились?

— Семейный рецепт, — скромно ответила я. — Бабушка научила.

— Сколько стоит? — Катерина с надеждой потянулась к кошельку.

Я назвала цену, придуманную с потолка — три серебрыка за торт. Катерина даже не поморщилась:

— Беру! У меня сегодня свекровь в гости приедет, а я ни-

чего особенного не приготовила. Это просто спасение!

Пока я заворачивала торт, Катерина не переставала восхищаться:

— Можно заказать к завтрашнему утру? — Катерина держала коробку, словно боялась, что я передумаю. — Мне бы ещё что-нибудь для детей.

— Завтра будут сырники, ватрушки и еще один медовик, — пообещала я. — А заказы принимаю с удовольствием!

Катерина ушла, прижимая торт к груди как бесценное сокровище. А я остолбенела, глядя на три серебряные монеты в руке. За один торт! За один день работы! Это же... это же целое состояние!

— Видела? — торжествующе заявил Лаврентий. — А ты боялась!

— Она могла купить из вежливости, — пробормотала я, все еще не веря в успех.

— Из вежливости три серебряка не платят! — возразил еж. — Смотри, уже следующие идут!

И правда, к пекарне приближалась группа женщин. Видимо, Катерина уже успела поделиться новостью.

— Это правда, что здесь невиданные сладости продают? — спросила пожилая дама, возглавлявшая делегацию.

— Правда! — подтвердила я, мысленно молясь всем богам. — Но медовик закончился. Зато могу предложить...

Я лихорадочно думала, что еще можно быстро приготовить.

— Сырники! — вдруг осенило меня. — Русские сырники с изюмом! Очень вкусные, через полчаса будут готовы!

— А что это такое? — поинтересовалась дама.

— Творожные оладушки, — объяснила я. — Сладкие, нежные, тают во рту!

— Интересно, — протянула дама. — А можно мы подождем? Хочется посмотреть на эти... как их... сырники?

— Конечно! — обрадовалась я. — Проходите, присаживайтесь!

Пока женщины устраивались за столиком, я принялась за сырники. Творог нашелся у Груни — она вчера договорилась с соседней фермершей. Изюм был в моих запасах. Яйца, мука, сахар — все при мне.

— А вы откуда? — поинтересовалась одна из посетительниц. — Местная?

— Из дальних краев, — уклончиво ответила я, выкладывая сырники на сковороду. — Переехала недавно.

— А родные с вами? — посетительница смягчила голос, заметив, как я напряглась.

Я замялась. Говорить правду про изгнание было неловко.

— Одна я, — честно ответила я.

— Ой, деточка! — посочувствовала пожилая дама. — Тяжело тебе будет с ребенком!

— Ничего, справлюсь, — улыбнулась я. — У меня помощник есть!

Я кивнула на Лаврентия, который важно восседал на под-

оконнике.

— Ежик? — удивились женщины.

— Очень умный ежик, — подтвердила я. — Лучший консультант в мире!

— И правда умный вид, — согласилась дама. — А как зовут?

— Лаврентий, — ответила я.

— Солидное имя! — одобрила дама. — Для солидного ежа!

Лаврентий прямо-таки раздулся от гордости.

Когда сырники были готовы, я выложила их на блюдо. Аромат поплыл по пекарне такой, что у всех начали течь слюнки.

— Попробуйте! — предложила я. — Первый сырничек — бесплатно!

Едва женщины откусили по кусочку, как пекарня взорвалась восторженными воплями:

— Нежные какие, — пожилая дама удивлённо улыбнулась, разламывая сырник.

— Я думала, творог будет кислить, — призналась её соседка, уже выбирая следующий.

— Вот мой младший такое съест, — третья женщина рассмеялась с облегчением.

— Изюм заранее замачиваете? — дама подалась ближе, разглядывая срез.

— А порция сколько? — спросила другая, придерживая

раскрытый кошелёк.

— Пять сырников — серебрак, — назвала я цену.

— Мне десять, — решительно попросила дама, первой положив монету.

— И мне столько же, — соседка торопливо придвинула корзину.

— А мне бы пятнадцать, — смущённо улыбнулась третья.
— Семья большая.

— У меня всего двадцать получилось, — призналась я. — Давайте поровну?

Женщины согласились, расплатились и ушли, обещая вернуться завтра и привести подруг. А я снова уставилась на монеты в руке.

— Лаврентий, — прошептала я, — кажется, мы попали в десятку!

— Еще как попали! — ликовал еж. — Ты видела их лица? Они были готовы на твои сырники молиться!

— Груня, — позвала я дерево, — а как думаешь, это случайность или действительно мои рецепты настолько хороши?

— Дорогуша, — засмеялась Груня, — я триста лет в этих краях живу. Никогда не видела, чтобы люди так реагировали на еду! У тебя настоящий дар!

Я посмотрела на свою пекарню — на чистые столы, рабочую печь, на довольного Лаврентия. За один день я заработала больше, чем за неделю работы у дяди Гены!

— Завтра, — торжественно объявила я, — мы идем на ярмарку! И покажем этой тетке Марфе, что такое настоящая выпечка!

— Ура! — закричал Лаврентий. — Да здравствует кулинарная революция!

— И русские традиции! — добавила Груня.

— И наша новая жизнь! — подвела итог я.

Вечером, считая выручку, я думала о том, как быстро может измениться жизнь. Еще вчера я была изгнанной и отчаявшейся. А сегодня — успешная предпринимательница с очередью покупателей.

А где-то в глубине души теплилась дерзкая мысль: интересно, что скажет Алессандро, когда узнает, что презиравшая им родственница стала местной знаменитостью? И что он подумает, попробовав мои медовики?

Но это уже завтрашние мечты. Сегодня главное — у меня есть дом, работа, друзья и надежда на будущее.

А остальное — обязательно приложится!

Глава 4

Ярмарка прошла как ураган, сметающий все на своем пути. К обеду у меня закончились не только сырники и медовики, но и голос от объяснений рецептов. Лаврентий важничал как генерал, выигравший войну, а вечером Груня тихо хихикала, слушая наш рассказ об ажиотаже вокруг выпечки.

— Я же говорил! — торжествовал еж, пересчитывая заработанные монеты. — Ты теперь местная знаменитость!

— Если так пойдет дальше, мне придется нанимать помощников, — пробормотала я, массируя ноющую спину. — А то одна не справлюсь.

— Зато какая слава! — мечтательно вздохнул Лаврентий. — Сегодня полгорода твои булочки пробовало! А завтра вся округа узнает!

Как в воду глядел. На следующий день к пекарне потянулся такой поток желающих, что я всерьез задумалась о расширении. Люди приезжали из соседних деревень, чтобы попробовать "русские чудеса". Некоторые заказывали торты на свадьбы и именины.

А потом случилось то, чего я втайне ждала и одновременно боялась.

Утром третьего дня после ярмарки к пекарне подъехала карета. Не простая телега, а настоящая карета с гербом на дверце — дракон, держащий в лапах пылающий меч. Сердце

у меня ухнуло куда-то в район пяток. Я узнала этот герб. Дом ди Монтефиоре.

Из кареты вышел мужчина средних лет в строгом камзоле, с лицом профессионального дипломата — вежливым, но непроницаемым. Волосы аккуратно зачесаны, борода подстрижена, манеры безупречны. Управляющий, решила я. Или секретарь.

— Леди Мэри? — обратился он ко мне с поклоном. — Позвольте представиться — Роберт Честертон, управляющий поместьем ди Монтефиоре.

Роб. Имя отозвалось тёплым обрывком чужой памяти: чашка бульона, осторожный стук в дверь, добрый голос. Видимо, он заботился о прежней Мэри. Мне захотелось довериться ему, но его официальный тон заставил сдержаться.

— Добро пожаловать, — ответила я, стараясь держаться с достоинством. — Чем могу служить?

— Его светлость лорд ди Монтефиоре желает заказать выпечку для поместья, — произнес Роб таким тоном, словно зачитывал официальную бумагу. — Нам потребуется хлеб на каждый день, а также сладости к столу.

Я чуть не поперхнулась воздухом. Алессандро! Он заказывает у меня выпечку! Тот самый дракон, который выгнал меня с позором, теперь хочет покупать мой хлеб!

— Конечно, — сказала я, борясь с желанием расхохотаться истерически. — А... какие предпочтения у его светлости? Роб слегка смутился:

— Его светлость особенно отметил... медовые изделия. Говорит, аромат напоминает ему о... — Он запнулся. — В общем, медовое что-нибудь.

Я украдкой глянула на Лаврентия. Еж сидел на подоконнике с таким видом, словно все предвидел.

— Медовики — моя специальность, — заверила я. — Буду рада готовить для поместья.

— Отлично, — кивнул Роб. — Доставку можете осуществлять сами? Или прислать с посыльным?

Тут я поняла — он дает мне шанс увидеться с Алессандро. Неужели добрый Роб все еще заботится обо мне?

— Предпочитаю доставлять лично, — ответила я. — Качество контролировать.

— Понятно, — согласился он. — Тогда завтра к полудню ждем первую партию. Адрес вам известен.

Известен! Еще как известен!

— А может быть... — я набралась смелости, — его светлость захочет что-то конкретное? Или у кого-то из домочадцев есть пожелания?

Роб помрачнел:

— Леди Альбина предпочитает закупать сладости в столице. А вот его светлость... — Он понизил голос. — Он очень настаивал именно на вашей выпечке. Сказал, что аромат... необычный.

— Понятно, — кивнула я, стараясь не показать, как колотится сердце.

— Тогда до завтра, — попрощался Роб и направился к карете.

— Роб! — окликнула я его.

Он обернулся.

— А как... как дела в поместье? — неловко спросила я.

— По-разному, — осторожно ответил он. — Его светлость... изменился в последнее время. Стал... задумчивым.

И уехал, оставив меня с бурей эмоций в груди.

— Ну что? — не выдержал Лаврентий, едва карета скрылась за поворотом. — Будем покорять драконье сердце через желудок?

— Заткнись, — буркнула я. — Это просто заказ. Деловые отношения.

— Ага, конечно, — хмыкнул еж. — А то я не видел, как ты покраснела, когда он сказал про "необычный аромат".

— Я от волнения покраснела! — возмутилась я. — Это большой заказ!

— Большой-большой, — согласился Лаврентий. — Особенно если учесть, что заказчик — твой драконий кузен, который выгнал тебя из дома, а теперь просит испечь ему медовик.

Груня тихо засмеялась:

— Дети мои, любовь — штука хитрая. Иногда проявляется самыми неожиданными способами.

— Какая любовь? — фыркнула я. — Он меня ненавидит!

— Тогда зачем заказывает именно твою выпечку? — ре-

зонно спросила Груня. — В округе пекарен хватает.

Хороший вопрос. Зачем действительно?

Остаток дня я провела в лихорадочной подготовке. Закупила лучшие продукты, просила Груню поделиться самым ароматным медом, даже новые формы для выпечки купила. Если уж доставлять в замок, то чтобы все было идеально.

— Ты как невеста перед свадьбой, — хмыкнул Лаврентий, наблюдая за моими приготовлениями. — Только жениха нет.

— Заткнись и помогай, — буркнула я, замешивая тесто для хлеба. — Или займись чем-нибудь полезным.

— Поддерживаю, как умею, — буркнул Лаврентий, обиженно пригладив иголки.

— Тогда посиди рядом, — попросила я, выдыхая. — Мне сейчас тишина нужнее советов.

На следующее утро я встала затемно. Хлеб должен был подойти, медовик — пропитаться, а я — привести себя в порядок. Не то чтобы мне было важно, как я выгляжу перед Алессандро. Просто... профессиональная этика, да.

— Ты надела лучшее платье, — констатировал Лаврентий, забираясь в корзину с выпечкой.

— Это единственное чистое платье, — соврала я.

— И косу переплела, — заметил он, с любопытством высунув нос.

— Чтобы волосы не попали в хлеб, — отрезала я, слишком резко затянув ленту.

— Понятно, — Лаврентий склонил голову, пряча доволь-

ную усмешку. — А волнуешься тоже за хлеб?

— За большой заказ, — ответила я, чувствуя, как теплеют щёки. — И за оплату. Доволен?

— Конечно, — согласился еж. — А то, что ты три раза проверила, хорошо ли пахнет медовик, тоже от профессионализма.

— Лаврентий, хватит, — я остановилась у двери. — Ещё слово, и останешься дома.

— Но я же твой консультант! — возмутился еж. — Без меня ты пропадешь!

— Так помоги мне собраться, — попросила я, уже не скрывая раздражения.

— Обидела! — Лаврентий театрально всхлипнул. — А я для тебя стараюсь!

В итоге мы отправились втроем — я, Лаврентий в корзине и тревога размером с драконий замок. Дорога показалась бесконечной. Живот мешал идти быстро, а корзина весила как чугунная батарея.

— Давай я немного пройду рядом? — предложил Лаврентий. — А то мне тесно.

— Не сейчас, — я тревожно оглянулась на дорогу. — У самого замка нас слишком хорошо видно.

— Я просто разгружу корзину, — ответил ёж, уже без насмешки.

— Спасибо. Только не отставай, — я поставила корзину на камень, с облегчением разжимая пальцы.

Лаврентий забрался обратно в корзину перед самым поворотом. Замок показался за поворотом во всей своей мрачной красе. Серые башни, высокие стены, флаги с гербом, развевающиеся на ветру. И где-то там, за этими стенами, он. Алессандро.

У ворот меня встретила стража. Один из солдат оказался знакомым — чьё лицо я смутно узнала по обрывкам памяти Мэри. Теперь он смотрел с любопытством и некоторым уважением.

— Мэри! — удивился он. — А мы слышали, ты теперь знаменитая пекарша! Весь город о твоих сладостях говорит!

— Слухи преувеличены, — скромно ответила я. — Просто работаю.

— А выглядишь хорошо! — одобрил солдат. — Цветущая прямо! Беременность к лицу!

Мне стало неловко. В прошлую бытность здесь меня все жалели и косо поглядывали. А теперь — уважение и восхищение.

— Проходи, проходи, — подтолкнул меня солдат к воротам. — Тебя уже ждут.

Во дворе я остановилась, собираясь с духом. Тот же фонтан, те же клумбы, та же конюшня. Только я изменилась. Была изгнанницей, а стала... кем? Поставщиком?

— Мисс Мэри! — послышался знакомый голос.

Роб спускался по ступеням парадного входа, и на лице его играла едва заметная улыбка.

— Добро пожаловать обратно, — сказал он тихо. — Рад видеть вас в добром здравии.

— Спасибо, — ответила я, чувствуя, как теплеет на сердце. — Рада снова быть здесь.

— Прошу, пройдемте на кухню, — предложил Роб. — Повариха Агата очень хочет вас видеть.

— А... а где его светлость? — не удержалась я от вопроса.

— В библиотеке, — ответил Роб. — Но он просил... — Тут он запнулся. — То есть, он интересовался качеством поставки.

— Понятно, — кивнула я, хотя ничего не понимала.

На кухне меня встретила Агата — полная, добродушная женщина, которую Мэри, судя по внезапно нахлынувшему тёплому воспоминанию, знала давно.

— Мэри, дорогуша! — всплеснула она руками. — Ты ли это? Да как же ты похорошела! И пополнела! Беременность тебя украшает!

— Спасибо, Агата, — улыбнулась я. — Как дела?

— По-разному, — вздохнула повариха. — Хозяин какой-то странный стал. То хмурый, то задумчивый. А вчера весь день по замку бродил, как неприкаянный. А когда услышал, что ты завтра приедешь... — Она понизила голос. — Весь вечер в библиотеке просидел. Книжки читал.

— Какие книжки? — из любопытства спросила я.

— Про кулинарию! — прошептала Агата. — Представляешь? Хозяин, который раньше даже на кухню не заглядывал,

вдруг кулинарией заинтересовался!

Лаврентий в корзине еле сдерживался, чтобы не фыркнуть.

— Интересно, — пробормотала я.

— А леди Альбина в ярости, — продолжала Агата. — Говорит, зачем покупать у местной пекарши, когда можно выписать из столицы. А хозяин как гаркнул: "Я хочу именно эту выпечку!" Такого мы от него давно не слышали!

Сердце у меня заколотилось быстрее. Неужели...

— Мэри, — тихо сказал Роб, — а не хотели бы вы лично передать выпечку его светлости? Он в библиотеке.

Я чуть не выронила корзину.

— Лично? — переспросила я. — А... а нужно ли?

— Он просил, — ответил Роб. — Сказал, хочет лично оценить качество.

— Тогда... хорошо, — согласилась я, чувствуя, как потеют ладони.

— Только осторожно, — предупредил Роб. — Он сегодня... как бы это сказать... особенно непредсказуемый.

Отлично. Встреча с непредсказуемым драконом — это именно то, что нужно беременной женщине!

— Лаврентий, — прошептала я, поправляя корзину, — води себя тихо.

— Понятно, — пискнул еж из-под салфетки. — А если что — я тебя прикрою!

— Только без геройства, — попросила я, встревожившись

за его нелепую храбрость.

— Укушу его за ногу! — храбро заявил Лаврентий.

— Дай бог, до этого не дойдет, — пробормотала я и направилась к библиотеке.

Время встретиться с драконом лицом к лицу. И выяснить, что значит этот странный заказ...

Глава 5

Библиотека поместья ди Монтефиоре выглядела как логово ученого дракона — высокие полки до потолка, старинные фолианты, запах пергамента и чего-то еще... знакомого. Мужского. Опасного.

Алессандро сидел за массивным дубовым столом, склонившись над раскрытой книгой. Темные волосы растрепались, белая рубашка расстегнута у горла, а золотые глаза сосредоточенно изучали страницы. Картина настолько домашняя и интимная, что у меня перехватило дыхание.

А потом он поднял голову.

Удар. Прямо в солнечное сплетение. Те же невозможно красивые черты лица, тот же пронзительный взгляд, но что-то изменилось. Он выглядел... усталым? Встревоженным? Или мне показалось?

— Мэри, — произнес он моё имя так, словно пробовал на вкус незнакомое слово. — Ты пришла.

— Как и обещала, — ответила я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Принесла заказ.

Он медленно поднялся из-за стола, и я невольно отступила на шаг. Боже, какой же он высокий! И широкоплечий. И... стоп, Оля, хватит пялиться на мужчину, который тебя выгнал!

— Покажи, — коротко приказал он.

Я поставила корзину на стол и начала доставать выпечку. Хлеб, еще теплый и ароматный. Булочки с изюмом. И, наконец, медовик — мой шедевр, политый глазурью и украшенный орехами.

Алессандро молча наблюдал за моими движениями, но когда я поставила медовик на стол, его ноздри чуть расширились. Он принюхался, и по его лицу промелькнула какая-то странная эмоция.

— Это... — начал он и осекся.

— Медовик, — подсказала я. — Как вы и просили.

— Аромат, — пробормотал он, не сводя глаз с торта. — Он такой... знакомый.

Сердце заколотилось. Перед глазами мелькнул чужой, неверный образ: сад, синяя ткань, мужская ладонь. Воспоминание исчезло раньше, чем я успела за него ухватиться. Он тоже пытался узнать что-то забытое?

— Попробуйте, — предложила я, отрезая кусок. — Если не понравится, приготовлю что-то другое.

Он взял тарелку, но не спешил пробовать. Вместо этого пристально смотрел на меня.

— Ты изменилась, — внезапно сказал он.

— В каком смысле? — осторожно спросила я.

— Выглядишь... — Он подобрал слово. — Здоровой. Счастливой, что ли.

Я чуть не фыркнула. Счастливой! После того, как он меня выгнал!

— Работа на свежем воздухе, — дипломатично ответила я.

— Да, я слышал о твоих... успехах, — в его голосе промелькнула какая-то нота. Гордость? Или мне показалось? — Говорят, ты стала местной знаменитостью.

— Люди любят вкусную еду, — пожала я плечами. — Ничего особенного.

— Особенного, — возразил он. — Роб рассказывал, что к тебе даже из соседних городов приезжают.

Он что, следит за мной? Интересуется моими делами? А потом зачем выгнал?

Алессандро наконец попробовал медовик, и... о боже. Его глаза закрылись, по лицу расплылось выражение такого блаженства, что у меня внутри все сжалось от непонятного томления.

— Это невероятно, — прошептал он, открывая глаза. — Как тебе удастся...

— Секрет семьи, — быстро ответила я, стараясь не смотреть на его губы, с которых он слизывал крошки крема.

— Семьи, — повторил он, и что-то в его тоне заставило меня насторожиться. — Какой семьи, Мэри?

— Ну... — Я замялась. — Моей семьи. Рецепты передавались...

— Твоя семья мертва, — жестко перебил он. — Твоя мать умерла, когда ты была ребенком. Отца ты не знала. Откуда рецепты?

Черт! Я говорила о своей бабушке, а он — о семье Мэри. Чужую биографию мне ещё предстояло узнать.

— Я... — Слова застревали в горле. — Я много читала. Кулинарные книги...

— Вот как, — протянул он недоверчиво. — Значит, кулинарные книги.

Он подошел ближе, и я почувствовала исходящий от него жар. Или это мне кажется?

— А скажи-ка мне, Мэри, — его голос стал опасно тихим, — почему аромат твоей выпечки вызывает у меня такие... странные ощущения?

— Не знаю, — честно ответила я. — Может, хорошие специи?

— Специи, — усмехнулся он. — Конечно, специи.

Он обошел вокруг меня, как хищник изучает добычу, и я старалась не поддаваться панике. В корзине Лаврентий затаился, как партизан в тылу врага.

— Ты знаешь, что меня больше всего удивляет? — продолжал Алессандро, остановившись у меня за спиной. — То, как ты держишься. Раньше ты была... покорной. Тихой. А сейчас... сейчас в тебе есть что-то дикое. Независимое.

— Изгнание закаляет характер, — съязвила я, не удержавшись.

— Изгнание? — Он вернулся к столу и снова попробовал медовик. — Я тебя не изгонял. Я дал тебе возможность начать новую жизнь.

— Возможность? — Я аж поперхнулась. — Вы называете "возможностью" то, что выбросили беременную женщину на улицу?

— Я дал тебе шанс доказать, что ты не та, за кого себя выдаешь, — холодно ответил он.

— И что это значит? — Гнев начинал брать верх над страхом.

— Это значит, — он снова приблизился, и я почувствовала запах его кожи — дорогого мыла, дубленой кожи и чего-то чисто мужского, — что я хочу знать правду.

— Что именно вы хотите узнать? — я прижала руки к краю стола, удерживая дрожь.

— Правду о том, кто ты на самом деле. Правду о том, откуда у тебя такие способности. Правду о...

Он протянул руку и почти коснулся моего живота, но в последний момент остановился.

— О ребенке, — закончил он тихо.

Воздух между нами накалился до температуры плавления железа. Я смотрела в его золотые глаза и видела там такую бурю эмоций, что голова закружилась.

— Алессандро, — прошептала я.

— Не смей, — резко сказал он, отступая. — Не смей проносить мое имя таким тоном.

— Вы сами меня позвали, — тихо возразила я, уязвлённая его резкостью.

— Таким, словно... — Он провел рукой по волосам. —

Словно между нами что-то было.

— А разве не было? — вырвалось у меня.

Тишина повисла такая звенящая, что казалось, воздух вот-вот треснет.

— Не было, — жестко ответил он. — Ничего не было. И не будет.

— Тогда зачем заказали мою выпечку? — Я была в ярости. — Зачем читаете кулинарные книги? Зачем следите за моими успехами?

— Кто сказал, что я слежу? — вспыхнул он.

— Роб и Агата заметили, что вы не находите себе места, — выпалила я и тут же пожалела, что выдала их.

— Им следовало заниматься своими делами, — отрезал он, сжав челюсть.

— Тогда докажите! — Я подняла подбородок. — Поклянитесь, что я вам безразлична!

Он открыл рот, но слова не последовали. Вместо этого он смотрел на меня так, словно видел впервые. Или наоборот — узнавал после долгой разлуки.

— Я не обязан тебе ничего доказывать, — наконец произнес он.

— Конечно, не обязаны, — кивнула я. — Вы же лорд, а я всего лишь пекарша.

— Всего лишь? — Он усмехнулся, но без веселья. — Всего лишь пекарша, которая меньше чем за неделю стала знаменитей половины аристократок округи?

— Ревнуете? — съязвила я.

— Я не ревную! — взорвался он. — Я пытаюсь понять, какого черта...

Он осекся, тяжело дыша.

— Что? — подтолкнула я. — Какого черта что?

— Какого черта я не могу выбросить тебя из головы! — выпалил он и тут же, видимо, ужаснулся собственным словам.

А вот теперь мое сердце точно остановилось.

— Что вы сказали? — прошептала я.

— Ничего, — быстро ответил он. — Я ничего не сказал.

— Я слышала, — ответила я, боясь пошевелиться. — Не забирайте слова обратно только потому, что их трудно объяснить.

— Я сказал глупость, — он отвернулся к окну. — Забудь.

— Не забуду, — упрямо заявила я. — Потому что это означает...

— Это ничего не означает! — Он резко обернулся. — Ты всего лишь... привычка! Досадная привычка, от которой я никак не могу избавиться!

— Привычка? — Я была готова взорваться. — Вы называете меня привычкой?

— А как еще? — Он подошел совсем близко, нависнув надо мной. — Как еще назвать то, что заставляет меня думать о тебе утром, днем и ночью? Что заставляет искать твой силуэт в толпе? Что заставляет заказывать твою выпечку, хо-

тя в доме есть собственный повар?

Дыхания не хватало. Он был так близко, что я видела золотые искорки в его глазах, чувствовала жар его кожи.

— Алессандро, — прошептала я.

— Не смей, — повторил он, но голос дрогнул. — Не смей смотреть на меня так.

— Я пытаюсь вас понять, — прошептала я, уже без прежней злости.

— Как... — Он остановился, явно борясь с собой. — Как будто я должен что-то помнить.

— А должны? — осторожно спросила я.

— Не знаю, — ответил он с какой-то болезненной честностью. — Черт возьми, Мэри, я не знаю! Когда я смотрю на тебя, у меня такое чувство, словно... словно что-то важное ускользает от меня. Как будто в памяти есть пробел.

Мое сердце екнуло. Пробел в памяти? Неужели что-то действительно было?

— Какой пробел? — прошептала я.

— Не знаю! — Он провел рукой по лицу. — Последние месяцы перед моей свадьбой... там словно туман. А ты... ты почему-то связана с этим туманом.

Я смотрела на него, пытаюсь понять. Если у него пробелы в памяти, а я беременна... Неужели он и есть отец? Но тогда почему не помнит?

В корзине что-то шевельнулось, и я вспомнила о Лаврентии. Еж, наверное, задыхался под салфетками! А главное —

я боялась, что если останусь здесь еще хоть минуту, то надеюсь на глупостей.

— Мне пора, — сказала я, хватая корзину. — Заказ доставлен.

— Мэри, — окликнул он.

Я обернулась.

— Завтра тот же заказ, — сказал он официальным тоном.

— В то же время.

— Хорошо, — кивнула я.

— И Мэри... — Он помолчал. — Береги себя.

Я выскочила из библиотеки как ошпаренная и только в коридоре позволила себе перевести дух.

— Ты как? — прошептал Лаврентий из корзины. — Живая?

— Едва, — честно ответила я. — Думала, он меня съест.

— А мне показалось, он готов был совсем другое сделать, — хмыкнул еж. — Такого напряжения в воздухе я еще не чувствовал!

— Заткнись, — буркнула я. — Идем домой.

По дороге к выходу меня перехватил Роб.

— Как прошла встреча? — осторожно спросил он.

— Нормально, — соврала я. — Он остался доволен.

— Тогда что вас так напугало? — Роб нахмурился, задержав взгляд на моих дрожащих руках.

— Просто устала, — отмахнулась я.

Роб проводил меня до ворот, и только когда замок скрыл-

ся за поворотом, я позволила себе расслабиться.

— Ну что? — не выдержал Лаврентий. — Будем обсуждать или делать вид, что ничего не случилось?

— Ничего не случилось, — упрямо заявила я.

— Я слышал его признание, — осторожно напомнил Лаврентий, следя за моим лицом.

— Слышал? — я обернулась к корзине, вспыхнув от неловкости.

— Я рядом сидел, — ёж отвёл глаза. — Не хотел мешать.

— Он просто... сказал глупость, — пробормотала я.

— Глупость? — фыркнул Лаврентий. — Оля, я видел, как он на тебя смотрел! Это было не "глупость", это было "я готов сжечь весь мир ради тебя"!

— Не делай из этого обещания, — попросила я, и голос неожиданно сел.

— Не преуменьшай! — возразил ёж. — И вообще, план работает! Он клюнул на твою выпечку!

— Какой план? — удивилась я.

— План завоевания драконьего сердца через желудок! — торжествующе объявил Лаврентий. — Завтра снова заказ, значит, завтра снова встреча!

Я промолчала, но внутри все бурлило. Алессандро не может выбросить меня из головы. Заказывает мою выпечку. Читает кулинарные книги. Смотрит на меня так, словно...

— Лаврентий, — сказала я, когда мы отошли подальше от замка. — Какой же он мерзавец!

— Эмм... — еж осторожно высунул нос из корзины. — А что случилось? Ты же вроде в него влюблена была...

— Была?! — взорвалась я. — Когда это я была в него влюблена?!

— Когда ты собиралась к нему, — поправился ёж, смутившись. — Я решил, что ты надеешься...

— Я смотрела с ненавистью! — возмутилась я. — Он меня беременную на улицу выкинул! Какая к черту любовь?!

— Значит, я ошибся, — тихо сказал он, заметив мою злость.

— Я волновалась, потому что боялась! — Я остановилась посреди дороги. — Лаврентий, этот человек разрушил мою жизнь! То есть жизнь Мэри! Выгнал девушку, которая, возможно, от него и забеременела!

— Откуда ты знаешь, что от него? — удивился еж.

— А от кого еще? — фыркнула я. — Видела, как он себя ведет? Явно что-то было! А теперь строит из себя невинного барашка!

— Значит, никакой любви? — уточнил Лаврентий.

— Никакой! — отрезала я. — Только деловые отношения. Он платит — я пеку. И точка!

— Тогда завтра будет еще интереснее, — пробормотала я.

— Еще как! — согласился Лаврентий. — Главное — не сдавайся. Только сначала разберись, что он помнит. Слухи отцовства не докажут.

А где-то в глубине души я уже знала — завтра я снова

приду в замок. И послезавтра. И каждый день, пока не выясню, что творится в голове у этого невозможного дракона.

Потому что сегодня я поняла: за его холодностью скрывается провал памяти. И моё появление почему-то тревожит его сильнее любых вопросов.

Глава 6

Я влетела в свою пекарню, как фурия, как валькирия, как метеор, которому наступили на хвост. Дверь захлопнулась с таким грохотом, что Груня за окном испуганно встряхнула всеми своими тремястами годами, а Лаврентий, который успел выбраться из дорожной корзины и устроиться у печи, подскочил на месте и мгновенно принял боевую стойку.

— Враг у ворот?! — пискнул он. — Альбина прислала армию?! Дракон пришел за добавкой?!

— Хуже! — выдохнула я, рухнув на стул и вцепившись в волосы. — Он... он...

Я не сразу смогла заговорить. В ушах всё ещё звучало его признание: он не может выбросить меня из головы. Следом вспоминалось другое — «досадная привычка». Он то приближал меня, то отталкивал, а я ловила каждую перемену его голоса. И злилась на себя за эту надежду сильнее, чем на его грубость.

— Что он?! — в один голос взвыли еж и дерево, не выдержав моего молчания.

— Он сказал, что у него в памяти дыра, от которой пахнет мной! — прорыдала я, стукнув кулаком по столу так, что подпрыгнула солонка. — Мной и медом! Вы представляете всю степень его наглости?! Он вышвырнул меня, беременную, на улицу, а теперь жалуется на амнезию и требует от

меня ответов, будто имеет на это право! Ах ты ж ящер бесчестный! Мерзавец! Тиран! Абыюзер!

Я вскочила и принялась мерить шагами свою крошечную кухню. Эмоции били через край, превращая меня в шаровую молнию. Сначала — унижение изгнания. Потом — страх неизвестности. Потом — робкая надежда. А теперь — ярость. Чистая, незамутненная, праведная ярость! И под этой яростью, где-то на самом дне души, копошилось липкое, мерзкое чувство... стыда. Стыда за то, что мне так хотелось ему поверить.

— Так, без паники! — скомандовал Лаврентий, вскарабкавшись на стол и приняв вид фельдмаршала. Он ткнул лапкой в сторону чайника. — Сначала успокоительный чай. Потом — военный совет. Паника — оружие врага! Включаем холодный расчет!

— Какой еще холодный расчет?! — взывала я. — Я хочу взять самую большую скалку, вернуться в этот проклятый замок и отходить его по наглой драконьей морде! Чтобы память у него моментально прорезалась! Может, сотрясение мозга поможет ему вспомнить о чести и совести!

— Неконструктивно, — строго заметил еж. — И опасно. Он тебя одним щелчком испепелит. Насилие — не наш метод. Наш метод — хитрость, коварство и умопомрачительно вкусная выпечка. Объявляю военный совет открытым!

— А вот это мне нравится, — одобрительно прошелестела Груня. — Давно я не участвовала в хороших интригах. По-

следний раз — лет сто пятьдесят назад, когда помогала одной фрейлине известить соперницу, подсунув ей заколдованные пирожки, от которых у той вырос хвост. Зеленый. И пушистый. Очень поучительно было.

Я остановилась. Посмотрела на ежа, на дерево, и дикая, злая ухмылка расплзлась по моему лицу.

— Хвост нам не нужен, — протянула я. — А вот заставить его страдать от невозможности вспомнить, довести до иступления одним только ароматом, свести с ума так, чтобы он сам приполз на коленях и умолял о прощении... О, да. Это план!

— Операция "Медовая Месть"! — торжественно провозгласил Лаврентий. — Цель: полное и безоговорочное моральное уничтожение противника путем доведения его до состояния острого гастрономического психоза.

— Мне нравится формулировка, — кивнула я, вытирая слезы. — Приступаем.

Следующие недели превратились в сладкий, ароматный ад для меня и, как я надеялась, для Алессандро. Моя пекарня стала центром вселенной для всех сладкоежек в округе. Слава о "русских чудесах от загадочной Мэри" разлетелась по деревням. Люди приезжали на телегах, на лошадях, приходили пешком, чтобы купить мой медовик, который, по слухам, лечил от хандры, или сырники, которые, как клялась одна дама, вернули ей расположение мужа.

Я научилась доверять только обрывкам памяти, которые

возвращались сами, и записывала их: сад, синее платье, запах вина. Всё остальное пока было догадками. Ни чужая тоска, ни его взгляд не давали права выдавать догадку за истину.

Я пекла без усталости. Моя маленькая кухня превратилась в штаб-квартиру и производственный цех одновременно. Лаврентий из простого советника превратился в бренд-менеджера и арт-директора.

— Мадам! — обращался он к жене местного старосты. — Сегодняшние ватрушки обладают особенно пышной текстурой и дерзким творожным послевкусием. Рекомендую взять дюжину. Вашему мужу понравится.

И мадам, пища от восторга при виде говорящего ежа в крошечном фартучке, который сшила для него местная швея Элизабет, брала две.

Я же, подпитываясь чаем от Груни и собственной праведной яростью, каждый день, ровно в полдень, совершала свой крестовый поход. Поход в замок. Это стало нашим ритуалом. Нашей маленькой, изощренной войной.

Роб встречал меня у входа, и в его глазах всегда была смесь сочувствия и восхищения. Он молча провожал меня до библиотеки, где он ждал. Всегда один. Я входила, ставила на стол корзину с его ежедневной "дозой" и молча наблюдала.

Я приносила ему все новые и новые шедевры. Медовик с грецкими орехами и ноткой коньяка. Медовик с черносливом и горьким шоколадом. Медовик с пряными травами,

аромат которого сводил с ума. Он ел. Медленно. Сосредоточенно. И я видела, как он борется. Как напрягаются желваки на его скулах. Как его взгляд, полный муки и желаний, скользит по моему лицу, по рукам, по предательски округлившемуся животу. Он не помнил, но его тело, его душа — они помнили. И эта пытка была слаще любого торта.

— Почему ты это делаешь? — спросил он однажды, не выдержав.

— Вы сделали заказ, ваша светлость, — невинно ответила я. — Я лишь его выполняю.

— Ты знаешь, о чем я, — прорычал он. — Каждый твой пирог... это как удар. Как осколок зеркала, в котором я вижу что-то, чего не могу узнать.

— Может, стоит просто перестать бороться и посмотреть внимательнее? — съязвила я.

Он тогда разбил тарелку о стену, а я ушла с чувством глубокого, злорадного удовлетворения. Да, это была месть. И я упивалась каждым ее мгновением.

Но, конечно, долго так продолжаться не могло. Мой успех был как кость в горле у леди Альбины.

Первый звонок прозвенел в среду. В пекарню ввалился неприятный скользкий тип с бегающими глазками и значком городского санитарного инспектора.

— Поступила жалоба! — заявил он с порога. — Говорят, антисанитария у вас тут! Грызуны! Насекомые!

— Грызуны? — я уперла руки в бока. — Простите, но

единственное млекопитающее, помимо меня, которое здесь обитает, — это вот этот джентльмен. — Я указала на Лаврентия, который чистил иголки. — И он, смею вас заверить, моется чаще, чем некоторые инспекторы. А что касается насекомых, — я оглядела свою сияющую чистотой кухню, — если вы имеете в виду вот ту паутину в углу, то это эксклюзивная эльфийская шелковая нить для декора. Очень дорогая. Придаёт помещению винтажный шарм. Руками не трогать!

Инспектор побагровел. Он начал шарить по полкам, заглядывать под столы, отчаянно пытаясь найти хоть пылинку.

— Ах ты ж, крыса! — наконец прошипел он, заметив Лаврентия. — Вот! Нарушение! В заведении общепита не должно быть животных! Я закрываю вашу лавочку!

В этот момент одна из ветвей Груни, росшая у самого окна, "совершенно случайно" качнулась от "порыва ветра" и сбила с верхней полки мешок с мукой. Прямо на голову инспектору.

Белое облако, оглушительный чих, и перед нами стояло возмущенное привидение.

— Я подам жалобу! — инспектор задохнулся от возмущения, вытирая муку с лица.

— Обязательно подавайте, — мило улыбнулась я. — Сразу после того, как я подам на вас жалобу за оскорбление, клевету и попытку вымогательства. И, кстати, мой кузен, лорд ди Монтефиоре, очень не любит, когда обижают его... лич-

ных поставщиков. У него от этого портится аппетит. И настроение. А когда у лорда портится настроение, в округе почему-то начинают пропадать слишком ретивые чиновники.

Упоминание дракона подействовало магически. "Привидение" сдулось, пробормотало что-то про "досадное недоразумение" и поспешно ретировалось, оставляя за собой мучной след.

— Пф-ф, — фыркнул Лаврентий. — Дилетант. Я уже был готов применить план "Б".

— Укусить его за пятку? — догадалась я.

— Пока другого не придумал, — признался ёж, сердито глядя вслед чиновнику.

Но это было только начало. Через день воробьи, которых Лаврентий прикармливал в обмен на новости, доложили, что Альбина и Дафна были замечены у мельника. И в тот же день Роб, под видом покупки булочек для тетушки, прошептал мне, чтобы я сменила поставщика муки.

— Война так война, — сказала я, сжимая кулаки. — Лаврентий, бегом к нашему секретному фермеру! Груня, готовь свои самые волшебные груши! Сегодня ночью я испеку нечто особенное.

Та ночь была безумной. Я работала как одержимая. Я решила, что месть — это блюдо, которое нужно подавать не только горячим, но и разнообразным. Хватит с него медовиков. Сегодня будет нечто новое. Я назвала его "Забытый поцелуй".

Это был лёгкий бисквит с терпким ягодным сиропом и сливочным кремом. Я добавила несколько капель вина из лавки: его аромат мучительно напоминал тот обрывок чужой памяти, где были сад и синее платье. Совпадение или след прошлого Мэри — я не знала. Сверху легли ягоды из запасов Груни, тёмные, блестящие, словно капли крови.

Дорога в замок показалась мне на удивление короткой. Страх ушел. Остался только холодный, звенящий азарт игрока, идущего ва-банк.

Он ждал меня в библиотеке.

— Ты опоздала, — сказал он, не оборачиваясь от окна.

— Шедевры требуют времени, — парировала я.

Он медленно повернулся. Его золотые глаза были темными, почти черными. Он выглядел так, словно не спал несколько ночей.

— Что это? — спросил он, глядя на торт.

— Новинка. Называется "Забытый поцелуй", — я смотрела ему прямо в глаза.

Он вздрогнул.

— Вульгарно, — выговорил он после паузы, не глядя на меня.

— Какая жизнь, такие и названия, — пожала я плечами.

— Будете пробовать? Или ваша изысканная натура не позволяет?

Он подошел к столу. На мгновение мне показалось, что он сейчас сметет этот торт на пол. Но вместо этого он взял

нож, отрезал кусок и поднес ко рту.

Он ел медленно, и я видела, как ходят желваки на его скулах. А потом его глаза расширились. В них отразилось недоумение, шок и... боль.

— Что... что ты туда добавила? — хрипло спросил он.

— Ягоды, сливки и немного вина, — ответила я, стараясь удержать его взгляд. — Что вам напомнил вкус?

— Ты лжешь! — он шагнул ко мне, и в его глазах полыхал огонь. — Что это за вкус?! Он... он сводит меня с ума! Он заставляет меня...

Он схватил меня за плечи.

— Чего ты добиваешься, Мэри? — пальцы на моих плечах напряглись, и в его голосе прорвался страх.

— Правды! — выкрикнула я. — Я добиваюсь правды, Алессандро! Той самой, которую вы так удобно забыли!

— Я не могу вспомнить! — выкрикнул он, словно признание причинило боль.

— Ложь! — я уперлась руками в его грудь. — Вы все помните! Иначе почему вы так мучаетесь?! Почему смотрите на меня так, будто я — ваше главное проклятие и единственное спасение одновременно?!

— Потому что так и есть! — прорычал он, и в следующую секунду его губы впились в мои.

Поцелуй оборвал спор. Я на миг растерялась, потом ответила — и сразу испугалась собственной доверчивости. Я по-прежнему не знала, кому верю: ему или отчаянной надежде,

что за жестокостью наконец покажется человек.

Он оторвался от моих губ так же резко, как и начал. Мы стояли, тяжело дыша, и смотрели друг на друга.

— Уходи, — прохрипел он.

— Алессандро... — я невольно потянулась к нему, растеряв всю приготовленную дерзость.

— Уходи! Сейчас же! — взревел он так, что зазвенели стекла.

Я схватила свою корзину и выбежала из библиотеки. И только оказавшись в безопасности своей пекарни, я позволила себе прикоснуться дрожащими пальцами к своим губам. Они горели.

Да, это была война. И сегодня я, кажется, выиграла одно очень важное сражение.

Секретное Оружие Пекарши Мэри: Медовик "Дракон на Лопатках"

Предисловие от автора (то есть, от меня): Итак, девочки, слушайте сюда. Забудьте все, что вы знали о медовиках. Те сухие, унылые лепешки из школьной столовой не имеют ничего общего с этим произведением искусства. Этот торт — не еда. Это приворотное зелье, оружие массового поражения и антидепрессант в одном флаконе. Он нежный, как первый поцелуй, и коварный, как обещания красивого мужчины. Готовить его нужно с правильным настроем: с яростью в

сердце, любовью в душе и предвкушением триумфа!

Часть 1: "Реагенты для Теста" (Ингредиенты для коржей)

- **Мука пшеничная** - 3 стакана (примерно 450-500 г). Самая обычная, но **ОБЯЗАТЕЛЬНО** просеять! Минимум два раза. Не ленимся, от этого зависит воздушность ваших будущих побед.

- **Сахар** - 1 стакан (200 г). Белый, сладкий, как ложь вашей соперницы.

- **Мед** - 3-4 столовые ложки. Жидкий, ароматный, как воспоминания, которые вы хотите разбудить. Чем ароматнее мед, тем сильнее будет эффект... то есть, вкус.

- **Масло сливочное** - 100 г. Настоящее, 82.5%, а не тот маргариновый ужас, которым вы пытаетесь обмануть Вселенную. Уважайте себя и свой торт!

- **Яйца куриные** - 2 шт. Большие, от счастливой курицы, которая знает, что такое любовь.

- **Сода пищевая** - 2 чайные ложки. Без горки. Это наш маленький вулканчик.

Часть 2: "Душа Торта" (Ингредиенты для крема)

- **Сметана** - 800-900 г. САМАЯ ЖИРНАЯ, какую только найдете в своей деревне! 25-30% — это наш минимум. Диета? Какая диета? Мы тут магией занимаемся, а не калории считаем!

- **Сахарная пудра** - 1 стакан (или по вкусу). Именно пудра, не сахар! Она растворится быстрее и не будет хрустеть на

зубах, портя все волшебство.

- **Ванильный сахар или экстракт** - по вкусу. Для легкой нотки невинности в этом омуте страсти.

- **(Секретный ингредиент пекарши)** - 1-2 столовые ложки хорошего коньяка или терпкого ягодного ликера. Это для смелости. И вам, и тому, кто будет есть. (Можно и без него, если торт предназначен для юных дракончиков).

Часть 3: "Священнодействие" (Инструкция по приготовлению)

1. **Сооружаем адскую паровую машину.** Нам нужна водяная баня. Берем кастрюлю побольше, наливаем в нее воды на палец-два, ставим на огонь. Сверху ставим миску или кастрюльку поменьше, чтобы её дно не касалось воды, а грелось паром.

2. **Плавим грехи и печали.** В верхнюю миску отправляем масло, сахар и мед. Помешивая, ждем, пока все это не превратится в однородную, гладкую, карамельную массу. Следим, чтобы не пригорело, иначе вместо магии любви получится магия горьких разочарований.

3. **Вулкан!** Как только масса стала однородной, снимаем с огня на секунду и всыпаем соду. И БЫСТРО-БЫСТРО мешаем! Сейчас будет магия! Масса на глазах посветлеет, вспенится и увеличится в объеме раза в два, как это некоторых драконов. Пахнуть будет невероятно! Возвращаем на баню буквально на минутку, постоянно помешивая, и снимаем.

4. Остужаем! Это ВАЖНО! Снимаем нашу карамельную пену с бани и даем ей остыть минут 5-7. Она должна быть теплой, но не обжигающей. Если вы вольете яйца в горячую смесь, получите сладкий омлет, и миссия будет провалена!

5. Вводим войска. В остывшую массу по одному вбиваем яйца, каждый раз хорошо размешивая венчиком. Потом начинаем по частям вводить просеянную муку.

6. Капризное тесто. Сначала мешаем ложкой, потом, когда станет густо, выкладываем на стол, присыпанный мукой. Внимание! Тесто будет липким, теплым и капризным, как мужчина с амнезией. Не пытайтесь забить его мукой до состояния камня! Оно должно оставаться мягким, чуть липнущим к рукам. Это залог нежности.

7. Отправляем на отдых. Формируем из теста шар, заворачиваем в пленку и отправляем нашего капризулю в холодильник минимум на 30-40 минут (а лучше на час). Там он остынет, подумает над своим поведением и станет послушным.

8. Выпекаем коржи-судьбы. Достаем тесто. Делим его на 8-10 равных частей. Теперь самое интересное. Берем кусочек, кладем на пергамент и раскатываем ОЧЕНЬ ТОНКО! Прямо до состояния папиросной бумаги. Вырезаем круг нужного диаметра (я просто обвожу тарелку ножом). Обрезки не убираем! Накалываем корж вилкой в нескольких местах, чтобы он не возмнил о себе слишком много и не вздул-

ся.

9. Огонь очищения! Пекутся коржи моментально! 3-5 минут при 180°C до красивого, румяно-карамельного цвета. Пока один печется, раскатываем следующий. Это конвейер! Работаем быстро! Обрезки тоже выпекаем — они пойдут на обсыпку.

10. Крем, что лечит души. Пока коржи остывают, делаем крем. Тут все просто, как правда, которую так боятся наши враги. Холодную, жирную сметану взбиваем миксером с сахарной пудрой и ванилью. Взбиваем до пышности, но без фанатизма, чтобы не получилось масло. В конце можно добавить тот самый "секретный ингредиент".

11. Сборка артефакта. Щедро. Нет, не так. **ЩЕДРО!** Промазываем каждый корж кремом. Не жалейте! Коржи должны в нем буквально утонуть, пропитаться, напитаться этой нежностью. Бока тоже обмазываем. Оставшиеся обрезки измельчаем в крошку (скалкой или блендером) и обсыпаем ими торт со всех сторон.

Часть 4: "Заклинание Подачи" (Финал)

Теперь самое сложное. Торт нужно убрать в холодильник. МИНИМУМ на 6-8 часов. А лучше — на всю ночь. Он должен пропитаться. Настояться. Вся магия должна соединиться воедино.

Подавать с загадочной улыбкой, легкой грустью во взгляде и фразой: **"Это не просто торт. Это — с душой"**. Эффект гарантирую. Проверено на драконах.

Приятного аппетита и удачной охоты! Ваша Мэри.

Глава 7

Я не бежала из замка. Я телепортировалась на чистой, неразбавленной ярости, которая несла меня вперёд, словно ураганный ветер. Кажется, я даже не касалась земли. Мои ноги несли меня прочь от этих серых, мрачных стен, от запаха старых книг и его парфюма — тёплого, мужского аромата с нотками сандала и кожи, который теперь намертво впечатался в мою память. Несли прочь от унижительной, сводящей с ума нежности его губ, которая так не вязалась с его холодными словами и презрительными взглядами.

Влетев в свою пекарню, я захлопнула дверь с такой силой, что с потолка посыпалась старая штукатурка, а Лаврентий, мирно медитировавший в углу на своей любимой подушечке, подскочил на месте и ошетинился всеми иголками разом.

— Так, всё, — выдохнула я, рухнув на стул и обхватив голову руками. Сердце колотилось так громко, что я была уверена — его слышно на соседней улице. — Хватит. С меня хватит этого безумия.

Губы горели. Но горело не только от его поцелуя — от той отчаянной, голодной страсти, с которой он держал меня за плечи. Горело от стыда. От злости на себя. От унижительного осознания собственной слабости.

Как я могла? Как я, взрослая, опытная женщина, пережившая смерть, попадание в чужое тело и изгнание, могла по-

вестись на этот животный магнетизм? Ответить на поцелуй мужчины, который меня предал, унизил, вышвырнул из дома, как ненужную вещь? Который обвинил меня в распутстве и обесчестил перед всем светом?

— Докладывай обстановку, командир! — Лаврентий уже был на столе, деловито расхаживая взад-вперёд, как генерал на военном совете. — Судя по твоему виду и звуку, с которым ты хлопнула дверь, тактическое наступление с помощью торта "Забытый поцелуй" перешло в фазу несанкционированного рукопашного боя. Противник понёс потери? Или это мы отступили с поля битвы?

— Потери понесла моя гордость! — взывала я, вскакивая со стула и начиная нервно метаться по кухне. — Моё самоуважение! Мои остатки здравого смысла! Он... он поцеловал меня, этот самодовольный ублюдок, а я... Лаврентий, я ответила! Я ответила этому тирану! Этому напыщенному ящеру с амнезией!

— Хм, — ёж задумчиво почесал нос лапкой, принимая позу мыслителя. — Манёвр "Ответный поцелуй", конечно, рискованный с тактической точки зрения. Но, возможно, стратегически эффективный? Противник дезориентирован? Деморализован? Потерял боеспособность?

— Он в ярости! — я швырнула кухонное полотенце на стол. — Он выгнал меня! Приказал немедленно уйти! Он рычал, как раненый грифон! И смотрел на меня так, будто я... будто я...

Я не могла закончить фразу. Потому что в его взгляде в тот последний момент было что-то такое, от чего у меня до сих пор холодело внутри. Не просто гнев. Не просто презрение. А какой-то ужас. Как будто он увидел во мне монстра.

— Дитя моё, — раздался из-за окна мудрый, шелестящий голос Груни, и её ветви легонько постучали в стекло. — Он рычал не от злости. Он рычал от боли. Его драконья сущность, его истинная душа — они узнали тебя. Они тянутся к тебе, как цветок к солнцу. А проклятие, тёмный морок, что сидит в его разуме, словно ядовитый паук, пытается тебя оттолкнуть, отторгнуть. Чем ближе ты к нему, тем сильнее его внутренняя война. То, что ты видела сегодня — это была не просто страсть. Это была настоящая битва за его душу. И ты в ней — главное оружие.

— Прекрасное оружие! — фыркнула я, плюхнувшись обратно на стул. — Которое сначала целуют до полной потери сознания, а потом вышвыривают за дверь, как надоевшую игрушку! Нет! Всё! Хватит! Операция "Медовая месть" официально закрыта! Я больше не буду играть в эти унизительные игры. Я больше не поставлю ему ни крошки. Пусть сидит в своём замке со своей блондинистой ведьмой и ест свои золотые тарелки! Мне всё равно!

Я была героиней. Я была несгибаемой скалой. Я была кремень, который не ломает никакая буря. Ровно пять минут. А потом я разревелась. Горько, навзрыд, как маленькая девочка, у которой отня-

ли не просто любимую куклу, а саму веру в справедливость мира. Слезы лились и лились, как будто внутри прорвалась плотина, которую я строила с момента изгнания. Потому что этот поцелуй, каким бы он ни был — нежным или грубым, настоящим или притворным — разбудил во мне ту самую глупую, наивную женщину, которая всё ещё верила в сказки. Которая всё ещё надеялась на чудо.

И эта женщина, к моему ужасу и стыду, хотела вернуться обратно в ту библиотеку и продолжить этот безумный, запретный танец. Хотела снова почувствовать тепло его рук, услышать его хриплый шёпот, увидеть в его глазах не холод, а огонь.

Лаврентий молча подкатил ко мне самое красивое яблоко из корзины — красно-жёлтое, пахнущее осенью и солнцем. Груня уронила к моим ногам через открытое окно самый душистый свой цветок — маленький, белый, простенький, но от него исходил аромат надежды.

Они не утешали пустыми словами. Они просто были рядом. И это было именно то, что мне нужно.

Ночь опустилась на город тяжёлой, удушающей пеленой. Беззвездная, душная, она давила на грудь и не давала дышать полной грудью. Воздух был плотный, как кисель, пропитанный запахами — дымом из печей, речной сыростью, чем-то тревожным и неопределённым.

Я не могла спать. Перед глазами стоял Алессандро: пальцы на моих плечах, испуганная ярость после поцелуя. «Ухо-

ди!» — снова слышала я и сжимала край одеяла. Нежность и отталкивание разделяло одно дыхание. Я не понимала, чего в этом воспоминании боюсь сильнее.

А потом — мгновенное превращение. Холод в глазах. Презрение в голосе. Ненависть, от которой в воздухе буквально искрило.

Ворочаться в кровати было бессмысленно и мучительно. Каждый раз, когда я закрывала глаза, я снова оказывалась в той библиотеке, снова чувствовала его прикосновения, снова переживала это унижительное изгнание.

Когда нервы на пределе, когда мысли крутятся в голове, как белки в колесе, есть только одно проверенное лекарство — работа. Физическая, осмысленная работа руками.

Я спустилась в свою кухню, зажгла свечи и лампы. Здесь было тихо и спокойно. Здесь пахло корицей, ванилью и мёдом. Здесь я была хозяйкой, здесь я контролировала происходящее. Здесь никто не мог меня унижить или прогнать.

Я достала большую дежу и начала замешивать тесто. Не для продажи. Не для клиентов. Для себя. Самое простое, хлебное тесто, которое знала наизусть. Мука, вода, закваска, соль. Никаких изысков. Никакой магии. Просто честная работа.

Я месила тесто, и это был мой способ думать, мой способ приводить мысли в порядок. Ритмичные движения рук успокаивали, как молитва. Я вкладывала в него всё, что творилось у меня в душе. Свою злость на него — за то, что он

такой упрямый и слепой. Свою жалость к нему — за то, что кто-то украл у него память и свободу воли. Свой страх за будущее — наше общее, неопределённое будущее. Свою безграничную нежность к ребёнку, который мирно спал у меня под сердцем, не подозревая о том хаосе, который творится в мире взрослых.

— Ну что, комочек? — шептала я тесту, как живому существу. — И что нам с ним делать? С этим проклятым, гордым драконом? Оставить его наедине с его проблемами? Пусть сам выпутывается из чужих чар? Он же сильный, он же всемогущий лорд — справится как-нибудь. Наверное.

Тесто под моими руками становилось гладким, эластичным, живым. Оно дышало, поднималось, отвечало на мои прикосновения.

— А мы с тобой проживём и без него, — продолжала я свой монолог. — Откроем самую лучшую пекарню в мире. Будем богатыми, независимыми, счастливыми. И никогда больше не будем плакать из-за мужчин с золотыми глазами и ледяными сердцами. Хороший план, да?

Но даже произнося эти слова, я чувствовала их фальшь. Потому что где-то глубоко внутри, в самой потаённой части души, жила уверенность — я не смогу его бросить. Не смогу отвернуться и забыть. Потому что он может оказаться отцом моего ребёнка. Потому что в те редкие моменты, когда с его глаз спадает пелена заклятия, я вижу в них такую боль, такую потерянность, что сердце разрывается на части.

— Только почему же тогда на душе так тоскливо? — прошептала я, отбивая тесто о стол, вымешивая из него пузырьки воздуха, а из себя — остатки сомнений. — Почему так хочется верить, что тот, настоящий Алессандро, чей взгляд мелькнул в чужом воспоминании о саде, всё ещё там, заперт в этой ледяной темнице?

Я оставила тесто подходить под влажным полотенцем, а сама села у окна, глядя в густую темноту. Город спал. Лишь изредка по улицам проходили запоздалые прохожие, их шаги гулко отдавались от каменных стен.

Часы на городской башне пробили полночь. Потом час ночи. Потом два. В печи потрескивали дрова, распространяя по кухне умиротворяющее тепло. Я поставила хлеб выпекаться, и вскоре пекарня наполнилась тем божественным ароматом, который всегда действовал на меня лучше любого лекарства — запахом свежего хлеба.

Я достала буханку — румяную, с хрустящей золотистой корочкой — и отломила ещё тёплую горбушку. И вдруг почувствовала — я не одна.

Шестое чувство. Инстинкт выживания. Не знаю, как это назвать, но волосы на затылке встали дыбом, а по спине пробежал холодок предчувствия. Я замерла, превратившись в слух. Полная тишина. Только потрескивание углей в печи да мерный тик-так часов на стене.

И всё-таки...

Я медленно повернулась к входной двери, сжимая в руке

кусок хлеба, как талисман. И увидела его.

Он стоял в дверном проёме, словно материализовавшись из ночной тьмы. Не как лорд. Не как гордый дракон. Как тень. Как призрак. Как сломленный человек.

Растрепанный, в той же белой рубашке, расстёгнутой у ворота, только теперь она была ещё и помятой, с пятнами — то ли от вина, то ли от слёз. В руке он сжимал пустую бутылку из-под дорогого вина, держал её, как утопающий спасательный круг. А в золотых глазах плескалась такая вселенская тоска, такое отчаяние, что у меня мгновенно защемило сердце.

— Что вы здесь делаете? — прошептала я, инстинктивно прижимая к груди ещё тёплую буханку хлеба, как щит. — Как вы меня нашли?

— Не знаю, — хрипло ответил он, и его голос звучал так, будто он не говорил целый день. — Просто шёл. Ноги сами принесли. Они знали дорогу лучше меня.

Он сделал шаг внутрь, и я инстинктивно отступила. Он выглядел опасно. Непредсказуемо. Как дикий зверь, который сам не понимает своих намерений — бросится он на тебя или упадёт в ноги.

— Уходите, — сказала я так твёрдо, как только смогла, хотя голос предательски дрожал. — Вам здесь не рады. Со всем не рады.

— Знаю, — он сделал ещё один неуверенный шаг, и я заметила, что он слегка покачивается. — Но я не могу уйти.

Этот запах... твой хлеб... он единственный, кто заглушает... шум.

— Какой шум? — не поняла я, нахмурившись.

— В голове, — он потёр виски свободной рукой, и я увидела, как дрожат его пальцы. — Постоянный, мучительный шум. Тысяча голосов говорят одновременно. Голос Альбины, который без конца твердит, что я её люблю, что она — моя судьба. Голос покойного отца, который требует исполнять долг рода любой ценой. Голоса слуг, которые шепчут о моих обязанностях. И под всей этой какофонией — постоянный, тихий, надрывный шёпот, который говорит мне, что всё это ложь. Что я в ловушке. Что меня обманывают.

Он остановился в паре метров от меня, тяжело дыша, вглядываясь в моё лицо горящими глазами.

— А когда я чувствую запах твоей выпечки... — голос его стал тише, почти шёпотом, — шум стихает. Остаётся только тишина. Благословенная тишина, в которой я почти могу вспомнить, кто я такой на самом деле.

Он поставил бутылку на пол и выпрямился, глядя на меня с такой отчаянной мольбой, что у меня перехватило дыхание.

— Я пришёл извиниться, — с трудом выдавил он. — За сегодня. В библиотеке. Я не должен был... я не хотел... то есть, хотел, но...

— Но сделали, — холодно напомнила я, хотя сердце болезненно сжалось при виде его страданий. — И не только

поцеловали. Ещё и выгнали, как заразную.

— Да. Сделал. — Он закрыл глаза, как будто вспоминая что-то болезненное. — Потому что я не контролирую себя рядом с тобой, Мэри. Ты... ты как противоядие от того яда, которым меня пичкают. И как самый сильный яд одновременно. Ты ломаешь то, что они со мной сделали. И от этого мне становится ещё хуже, ещё больше.

Он говорил рвано, с трудом подбирая слова, как человек, который заново учится говорить правду.

— Кто "они"? — осторожно спросила я, делая крошечный шаг вперёд. — Кто вас так мучает?

— Не знаю, — он беспомощно покачал головой. — Всё как в густом тумане. Помню обрывки... подготовка к свадьбе с Альбиной... решение, которое я вроде бы принял сам, но не помню когда и почему... А потом появилась ты. И туман начал рассеиваться по краям. И от этого... от этого так больно, что хочется выть.

Он замолчал, тяжело дыша, стараясь взять себя в руки. А потом его взгляд медленно опустился на мой живот. Он замер, как статуя.

— Ребёнок... — прошептал он, и в его голосе была такая нежность, такое благоговение, что у меня перехватило дыхание.

Он медленно, как во сне, протянул руку. Его пальцы, горячие, как раскалённые угли, замерли в миллиметре от моего живота. Он не касался — просто держал ладонь над округ-

лостью, как будто боялся спугнуть что-то хрупкое и драгоценное.

— Мэри, — его шёпот был едва слышен, полон отчаянной мольбы. — Умоляю тебя, скажи мне правду. Эта ночь... около четырёх месяцев назад... в гостевом крыле замка... Я... я помню только обрывки. Шёлк твоего голубого платья. Запах твоих волос — ванилью и розами. Лунный свет, который падал на твоё лицо. И... и боль. Не моя — твоя. Твою боль, твои слёзы, твой страх. Скажи мне правду... это был я? Я сделал тебе больно?

Моё сердце остановилось, а потом заколотилось с удвоенной силой. Он помнит что-то! Какие-то обрывки той ночи, когда... когда настоящая Мэри...

Но я не помню. Я не была там. Это была другая девушка, в чьём теле я теперь живу. И всё же... всё же что-то глубоко внутри, какое-то смутное эхо чужих чувств откликается на его слова. Будто сердце помнит то, что забыл разум.

— Я... — начала я и осеклась. Что я могу ему сказать? Что я не помню, потому что это была не я? Что я понятия не имею, его ли это ребёнок, хотя каждая клеточка моего тела кричит, что да? — Я не знаю, — честно прошептала я, и слёзы хлынули из глаз. — Я помню так мало... как будто всё было во сне. Я не могу сказать, что тогда случилось. Не стану ни обвинять вас, ни оправдывать тем, чего не помню.

В этот момент его лицо исказилось от внезапного, мучительного спазма. Он отшатнулся, схватившись обеими рука-

ми за голову, словно пытаюсь удержать череп от раскалывания.

— А-а-а-а! — он зарычал, но это был не рёв гнева или ярости. Это был рёв нечеловеческой боли, вырывавшийся из самых глубин души.

— Алессандро! — я инстинктивно шагнула к нему, протягивая руки. — Что с вами?

— Не подходи! — крикнул он, и в его голосе прорезались нотки паники. — Не... не подходи ко мне!

Когда он поднял голову, его глаза снова стали холодными и чужими. Золотое тепло исчезло, как будто его никогда и не было. Проблеск настоящего Алессандро испарился. Тёплый, растерянный, мучающийся человек исчез. На его месте снова стоял ледяной, неприступный лорд ди Монтефиоре.

— Что за чушь я несу? — ледяным тоном процедил он, выпрямившись и глядя на меня с прежним презрением. — Какая ещё ночь? Какой ребёнок? Ты, видимо, решила воспользоваться моим... временным помрачением рассудка, маленькая ведьма? Решила приписать мне своего бастарда, заставить поверить в свои лживые сказки?

Это было как удар ножом под рёбра. Как ведро ледяной воды после обжигающего огня. Унизительно. Больно. Несправедливо до крика.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.